

О загробной жизни.

(Чтение, предложенное въ собраніи Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества. 17 октября 1903 года)

Что ожидаетъ насъ за гробомъ?

Такой вопросъ осмѣливаюсь я предложить вашему просвѣщенному вниманію,—вопросъ, по словамъ св. Аѳанасія Александрійскаго,¹⁾ чудный и дивный и сокрытый отъ людей. Кажется, нѣтъ другого вопроса, въ рѣшеніи и разъясненіи котораго такъ изнемогала бы мысль человѣческая, какъ изнемогаетъ она при представленіи того, что будетъ съ нами по смерти. Врата вѣчности, въ которую погружаемся мы, отходя изъ настоящей кратковременной жизни, заключены отъ насъ и закрыты темною завѣсою. Тамъ нѣтъ ничего доступнаго нашимъ чувствамъ и нашему наблюденію, собирающему матеріалы для сужденій о предметахъ, входящихъ въ область нашего разумѣнія. Тысячи и милліоны людей сокрылись отъ насъ въ могилѣ и отошли въ невѣдомый край, и ни одинъ изъ нихъ ни на мигъ не возвратился къ намъ, чтобы рассказать намъ, что встрѣтилъ онъ, по сокрытіи тѣла его въ могилѣ. „Никому изъ отшедшихъ на тотъ свѣтъ (говоритъ св. Іоаннъ

¹⁾ Посл. къ Антіону вопр. и отв. 19.

Златоустъ), ¹⁾ Богъ не позволяетъ приходить и рассказывать о томъ, гдѣ и какъ пребываютъ души, отшедшія отъ насъ, и это устроено съ тою цѣлю, чтобы демонъ, воспользовавшись этимъ, не ввелъ чего-либо отъ себя и не обольститъ насъ какими-либо призраками и обманами, и не распространять между людьми какого-либо нечестиваго ученія“.

Но зачѣмъ (подумаете или скажете вы) избирать для бесѣды такой трудный и темный предметъ, сокрытый отъ насъ Богомъ?

Мы не вынесли изъ школы вопроса, нами поставленнаго;— это не утонченный вопросъ науки, интересующій немногихъ, а одинъ изъ самыхъ жгучихъ, жизненныхъ вопросовъ, неотвязчиво преслѣдующихъ мысль нашу. Прошедшее, нами пережитое, мы оставляемъ позади и свои взоры устремляемъ впередъ къ развертывающемуся передъ нами будущему, ожидая отъ него удовлетворенія нашимъ желаніямъ, всегда новымъ, никогда не погасающимъ. Это будущее, постоянно стоящее предъ нашими глазами, всегда болѣе или менѣе гадательное, въ концѣ концовъ ставить предъ нами предѣлы темнѣе ночи, за которымъ мы не видимъ никакихъ ясныхъ очертаній. Но чѣмъ гуще мракъ, окутывающій послѣдній день изъ отмежеваннаго нами круга времени и слѣдующее за нимъ, тѣмъ напряженнѣе и неудержимѣе взоръ нашъ, взоръ всѣхъ, живущихъ на землѣ, силится проникнуть сквозь густое темное покрывало, скрывающее отъ насъ нашу будущую, предстоящую намъ, участь. Не только мы, длиннымъ рядомъ прожитыхъ лѣтъ приблизившіеся къ послѣднему предѣлу земного бытія, стоимъ въ трепетномъ недоумѣніи предъ вопросомъ о томъ, что съ нами будетъ, когда хладная и мрачная могила покроетъ тлѣнные останки наши, но и люди другихъ возрастовъ, надѣющіеся еще долго вращаться на землѣ, не

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста бес. о Лазарѣ IV, 3 Твор. св. Іоанна Злат. т. I, кн 2, стр. 281.

могутъ отстранить этого тяжелаго вопроса; потому что *всѣмъ лежитъ единою умрети* (Евр. IX, 27), а потомъ...

А что потомъ? Во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ мы видимъ неустанныя покушенія перейти мыслию темныя грани гроба и разъяснить, что скрывается за этими темными гранями. Но много-ли свѣта внесла въ эту темную область мысль человѣческая, предоставленная самой себѣ? Нѣтъ, какъ прежде, столѣтія и тысячелѣтія назадъ, стояла предъ мыслию человѣческою покрытая густымъ мракомъ загробная участь наша, такую же темною стоять она и нынѣ.

Гдѣ-же найти намъ разъясненіе этой загадки, тревожащей мысль нашу? И не напрасно-ли мы беремся за разъясненіе сокрытаго отъ насъ?

Мы не обѣщаемъ и не можемъ обѣщать вамъ полнымъ свѣтомъ освѣтить темную область нашего загробнаго будущаго, сокрытую отъ насъ премудрымъ изволеніемъ Божиимъ. Но намъ данъ и указанъ нѣкоторый просвѣтъ на эту темноту, указаны нѣкоторыя черты, по которымъ мы можемъ гадать, что будетъ съ нами, когда тѣло, оставленное душою, сокроется и истлѣетъ въ могилѣ. По этимъ чертамъ мы можемъ отчасти уразумѣвать наше будущее, можемъ видѣть его, *яко зерцаломъ въ іаданіи*. Если Господу не угодно было даровать намъ полное знаніе послѣдней судьбы нашей, мы должны довольствоваться разумѣніемъ ея отчасти, въ той мѣрѣ, какая, для нашей душевной пользы, доставлена намъ премудрымъ Управителемъ судебъ нашихъ.

Но прежде, чѣмъ приступать къ уясненію труднаго и темнаго вопроса, мы считаемъ долгомъ, какъ подобаетъ христіанамъ, испросить божественную благодатную помощь для благоуспѣшнаго совершенія предпринятаго дѣла. И язычники считали нужнымъ предъ разъясненіемъ трудныхъ вопросовъ обращаться съ молитвою къ чтимымъ ими богамъ о споспѣшествованіи имъ въ трудномъ дѣлѣ. Такъ въ діалогъ Пла-

тона „Тимей“ Критій сдѣлалъ предложеніе Тимею изложить свои мысли о происхожденіи вселенной. Сократъ выразилъ согласіе на это и пригласилъ Тимея начать, но напередъ просить его, какъ слѣдуетъ по обычаю, призвать боговъ. „Ты правъ, Сократъ“, отвѣчалъ ему Тимей. „Всѣ, если сколько нибудь разумны, обыкновенно призываютъ боговъ предъ началомъ каждаго дѣла, значительнаго ли то, или незначительнаго, тѣмъ болѣе должны обращаться къ богамъ мы, собираясь разсуждать о происхожденіи вселенной, если только не хотимъ быть безумными,—и просить ихъ, чтобы мы были въ состояніи прежде всего говорить, какъ имъ угодно, потому, что касается насъ самихъ, чтобы, съ одной стороны, я ясно и правильно выражалъ свои мысли, а съ другой, вы легко понимали то, что я скажу“¹⁾. Вопросъ, нами поставленный, принадлежитъ къ разряду вопросовъ наиболѣе важныхъ, а онъ болѣе труденъ для рѣшенія, чѣмъ вопросъ о происхожденіи вселенной, и если язычникъ, непросвѣщенный свѣтомъ вѣры Христовой, не испросивъ небесной помощи, не рѣшался приступить къ рѣшенію поднятаго имъ вопроса, то не тѣмъ-ли болѣе это необходимо намъ,—намъ, которымъ дано божественное Откровеніе, и которымъ указано чрезъ апостола Духомъ Святымъ, что мы *невольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но дозвольство наше отъ Бога* (2 Кор. III, 5)?

Итакъ, призвавъ помощь свыше, съ боязнію, какъ бы не сказать чего-либо противнаго божественной истинѣ, приступаемъ мы къ разъясненію темнаго вопроса, нами поставленнаго, по существу своему всѣхъ насъ интересующаго.

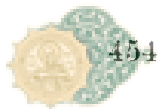
Такъ какъ мысль человѣческая, предоставленная самой себѣ, изнемогаетъ сказать что-нибудь вѣрное и несомнѣнное о нашей загробной жизни, то мы должны обратиться къ выс-

¹⁾ Сочиненія Платона, перевод. Карповымъ, т. VI, стр. 388.

шимъ руководителямъ, которые освѣщали пути нашей жизни, удостоиваясь откровенія отъ Духа Божія. У нихъ однихъ мы можемъ найти неложныя указанія въ вопросѣ, насъ занимающемъ. Высшій Разумъ, бдящій надъ нами, озарялъ ихъ мысль, и благоволилъ чрезъ нихъ испустить съ высоты небесъ нѣсколько лучей, при пособіи которыхъ мы можемъ нѣчто видѣть въ той темной области, въ которую вступимъ, по разлученіи съ тѣломъ. Мы будемъ стараться собирать и передавать вамъ отголоски, донесшіеся до насъ изъ высшаго божественнаго міра, и если позволимъ себѣ присоединять къ нимъ индѣ гаданія естественной мысли человѣческой, то не съ тѣмъ, чтобы подкрѣпить ими руководственныя указанія высшаго Разума, а чтобы отгнать ихъ этими гаданіями.

Но когда мы хотимъ раскрывать скрижали, содержащія указанія высшаго божественнаго Разума, намъ слышатся раздающіеся на распутіяхъ міра голоса не то легкомыслія, не то безотраднaго отчаянія.—Люди, руководимые одною слѣпою мыслию своею, не могли ничего разглядѣть за предѣлами гроба, думаютъ и говорятъ, что для насъ смертію все кончается: истлѣетъ наше тѣло, и отъ насъ и слѣда не останется, кромѣ короткой памяти о насъ у нашихъ близкихъ, и что напрасно обольщеніе надѣяться на то, что для насъ будутъ другая жизнь.

Малъ и печаленъ животъ нашъ (говорили во времена Соломона, говорягъ многіе и нынѣ)... Случайно мы рождены, и послѣ будемъ, какъ не бывшіе: выданіе въ позорѣхъ нашихъ дымъ, а слово—искра въ движеніи сердца нашего. Когда она угаснетъ, тѣло обратится въ прахъ, а духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ. И имя наше забудется со временемъ... и жизнь пройдетъ, какъ слѣдъ облака, и разсѣется, какъ туманъ, разогнанный лучами солнца, и отягченный теплою ею. Ибо жизнь наша—прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти: ибо по-

ложена печать, и никто не возвращается (Прем. Сол. II, 1—5).

Не слышится ли вамъ въ этихъ печальныхъ разсужденіяхъ отголоска мыслей и чаяній, вторгавшихся иногда въ потаенную храмину сердца вашего?

Премудрый, приведшій такія слова, замѣчаетъ, что такъ могутъ разсуждать только не умѣющіе познавать тайны Божіи (Прем. Сол. II, 22), и закрывающіе глаза предъ явными суждами Божіими. Источникомъ такихъ разсужденій онъ считаетъ нечестіе и развращеніе сердца людей, ихъ высказывающихъ. *Сія помыслина и прельстившася: осанни бо ихъ злоба ихъ* (Прем. Сол. II, 21). Люди отдають себя въ рабство страстямъ своимъ, безъ удержа удовлетворяють похотямъ развращеннаго сердца своего, не стѣсняясь дѣлають ооиды и насилія своимъ ближнимъ, и вообще нарушаютъ и попирають законъ, данный намъ Богомъ въ управленіе путей нашихъ. И вотъ, чтобы заглушить голосъ о праведномъ мздовоздаяніи за дѣла, идущій изъ глубины души нашей, они, для успокоенія себя, говорятъ: умремъ, и ничего не будетъ, а потому *будемъ наслаждаться настоящими благами и спытнимъ пользоваться міромъ, какъ юностію* (Прем. Сол. II, 6).

Не думаемъ, чтобы тяжелая и безотрадная мысль о полномъ уничтоженіи нашемъ по смерти была тверда и рѣшительна у самыхъ тѣхъ людей, которые ее высказываютъ. Въ душѣ нашей слышится голосъ, требующій жизни, не ограничивающейся узкими предѣлами даннаго намъ времени, и голоса этого не могутъ совершенно заглушить легкомысленно обрекающіе на полное уничтоженіе. И на нихъ могутъ находить, и нерѣдко,—минуты раздумья, и тогда сомнѣніе западаетъ въ ихъ душу, колеблетъ и подрываетъ тѣ помыслы, какими они хотятъ успокоить и оправдать себя въ своей преступной преданности страстямъ своимъ.

Противъ мысли о полномъ исчезновеніи нашемъ по смерти неумолкаемо говорить сознаніе живущаго въ насъ нравственнаго закона, основывающагося на неискоренимой въ насъ идеѣ правды. Какъ въ мірѣ физическомъ все живущее приносить плодъ по роду своему, который является непремѣннымъ слѣдствіемъ процесса, переживаемаго тѣмъ или другимъ живымъ существомъ, такъ точно должно быть и въ мірѣ нравственномъ. Наше нравственное самосознаніе требуетъ, чтобы каждое наше нравственное дѣйствіе сопровождалось соотвѣтствующимъ нравственнымъ слѣдствіемъ, чтобы плодомъ добродѣтели было доброе ощущеніе въ душѣ,—счастье или блаженство, а слѣдствіемъ порока—несчастье или страданіе. Но въ настоящей жизни мы не видимъ соотвѣтствія между нравственными дѣйствіями и тѣми слѣдствіями, какими они сопровождаются. Порокъ часто торжествуетъ, а добродѣтель страдаетъ: люди нечестивые нерѣдко живутъ въ нѣгѣ и роскоши и пользуются всѣми благами міра, а люди, старающіеся о благоугожденіи Богу,—люди, которыхъ, по слову Писанія, *не бы достоинъ весь міръ* (Евр. XI, 38), часто влачили и влачатъ на землѣ самую горькую жизнь, подвергаясь крайнимъ лишеніямъ и испытываютъ тяжкія мученія, кончающіяся смертію. Гдѣ же правда (говоритъ наше внутреннее чувство)? Почему здѣсь такое нарушеніе закона міровой гармоніи, по которому вездѣ мы видимъ полное соотвѣтствіе между сѣменемъ и плодомъ, между дѣйствіемъ и его слѣдствіемъ? „Ужели одна добродѣтель (говоритъ блж. Оеодоритъ), ¹⁾ стоящая такъ много напряженія и борьбы, не приноситъ никакого плода?“ Нѣтъ, непременно долженъ быть такой плодъ; непременно она должна получить свою награду, а порокъ—соотвѣтствующее наказаніе. И если мы этого не видимъ въ настоящей жизни, то непременно должна быть

¹⁾ Блж. Оеодорита слово о Провидѣніи 9-е.

другая жизнь, въ которой возстановится нарушаемая здѣсь гармонія, и мы получимъ добрый или худой плодъ,—награду или наказаніе,—по роду тѣхъ дѣйствій, какія совершала душа наша въ періодъ земнаго бытія: „Если бы не было никакого другого доказательства въ пользу продолженія бытія души за гробомъ“, говоритъ Ж. Ж. Руссо,¹⁾ „то одного факта торжества зла на землѣ и угнетенія добродѣтели было бы достаточно, чтобы удержать меня отъ сомнѣнія въ той истинѣ. Столь возмутительный диссонансъ въ общей гармоніи міра необходимо заставляетъ меня искать его разрѣшенія. Я необходимо долженъ сказать себѣ: нѣтъ, не все кончается для насъ съ этою жизнью; все должно по смерти придти снова въ надлежащій порядок“.

Премудрый наставляетъ насъ, что такъ и будетъ, что въ будущей жизни постѣдуетъ воздаяніе за дѣла наши, пылѣвшее время—время сѣянія, а жатва будетъ, когда мы, вышедъ изъ тѣла, перейдемъ въ иной міръ. *Праведныхъ души* (говоритъ опъ) *въ руки Божіей... Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался пошибелію, и отшествіе отъ насъ уничтоженіемъ: но они пребываютъ въ мирѣ. Ибо хотя они въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія. Во время воздаянія имъ они возсіяютъ, какъ искры, быющія по себѣю* (Прем. Сол. III, 1—4. 7). Другой Премудрый—сынъ Сираховъ,—согласно съ этимъ, говоритъ: *боящемуся Господа благо будетъ на послѣдокъ, и въ день скончанія своего обрящетъ благодать* (Сир. 1, 13).

На чемъ основываютъ свои безотрадные взгляды обрекающіе себя на полное исчезновеніе по смерти? Очевидно на томъ только, что мы ничего не знаемъ о будущей загробной жизни, и нѣтъ для насъ прямыхъ доказательствъ ея,—на томъ, что внѣшнія чувства наши, которыми мы восприни-

¹⁾ Emile. IV. Безсмертіе души. В. Кудрявцева, стр. 98.

маемъ впечатлѣнія отъ міра, внѣ насъ существующаго, никакихъ данныхъ не сообщаютъ намъ о загробной жизни. Но логично-ли, разумно-ли отрицать дѣйствительность того, что неизвѣстно? Мало-ли чего мы не видимъ? Мало-ли чего мы не знаемъ? Ужели мы должны признать несуществующимъ все, чего не знаемъ и что не подлежитъ нашимъ чувствамъ? *И Бога никтоже видѣ ниоткудаже* (Іоан 1, 18); а между тѣмъ (говоритъ Псаломѣвецъ) только безумный можетъ сказать, *нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1).

Не подлежитъ загробная жизнь нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Но кромѣ внѣшнихъ чувствъ у насъ есть чувство внутреннее, болѣе глубокое, непосредственно связанное съ нашею силою познанія. Это внутреннее чувство ставитъ насъ въ соприкосновеніе съ высшимъ духовнымъ міромъ и даетъ намъ предощущать тайны этого, незримаго нами, духовнаго міра. Изъ него исходитъ неумолкаемый протестъ противъ грубаго, искусственно навязываемаго многими, ученія, ограничивающаго нашу жизнь предѣлами одного матеріальнаго міра. Отсюда у всѣхъ народовъ, стоящихъ на разныхъ степеняхъ развитія и культуры, есть неискоренимое убѣжденіе, что смертію не все для насъ кончается, и наступитъ для насъ послѣ смерти новая жизнь. Во всѣхъ религіяхъ, какія только существовали и существуютъ въ родѣ человѣческомъ, вѣрованіе въ загробную жизнь составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней, наравнѣ съ вѣрованіемъ въ бытіе верховнаго Существа—Бога. Всюду мы видимъ молитвенное поминовеніе умершихъ и почитаніе ихъ, превратившееся у иныхъ народовъ въ культъ предковъ: это свидѣтельство того, что, по общенародному вѣрованію, не преданы уничтоженію умершіе, а живутъ въ другомъ мірѣ другою, отличною отъ нашей, жизнью. Это убѣжденіе, въ силу своей всеобщности, не могло явиться вслѣдствіе какого-либо обольщенія. Оно вырастаетъ изъ души, созданной бессмертною; въ нее вложено изначала

чувство безсмертія, вмѣстѣ съ чувствованіемъ бытія своего. *Богъ, по слову Премудраго, смерти не сотвори.* Будучи неизсякаемымъ источникомъ жизни, *Онъ создалъ человека не для истлѣнія, и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія своего* (Прем. Сол. II, 23). Смерть послѣ вошла въ міръ завистію діавола, какъ объясняетъ Премудрый (Прем. Сол. II, 24). Она въ родѣ нашемъ нѣчто неестественное, противное нашей природѣ. Отъ того всѣ мы боимся смерти, какъ чего-то чуждаго намъ, какъ грозной кары, висящей надъ нами. У всѣхъ насъ ничѣмъ незаглушаемое желаніе жить и жить нескончаемые вѣки. Это желаніе называютъ зарею, предвѣстникомъ и предощущеніемъ жизни будущей, нами ожидаемой и насъ ожидающей.

Во всеобщихъ вѣрованіяхъ въ загробную жизнь намъ слышатся отголоски древняго преданія, идущаго отъ нашего родоначальника. Созданный по образу Божію, онъ чувствовалъ себя безсмертнымъ и видѣлъ, какимъ образомъ онъ подвергся наказанію смертію, но въ то же время его утѣшало обѣтованіе, что это наказаніе не вѣчное, и что Господь снова воздвигнетъ его для жизни блаженной, нескончаемой. Забытъ источникъ этого преданія, но оно глубоко зашло въ души его потомковъ, и съ распространеніемъ рода человѣческаго распространилось по всему лицу земли, и никакія уметствованія не въ силахъ уничтожить его. Хотятъ подавить его въ себѣ единицы, пожалуй, сотни, но тысячи и миллионы хранятъ его и не могутъ представить человѣка безъ вѣры въ его вѣчное назначеніе.

Укажутъ не ожидающіе ничего для себя послѣ смерти, кромѣ полнаго и окончательнаго уничтоженія, на бездыханное и неподвижное тѣло умершаго, которое скоро послѣ смерти передается тлѣнію и исчезаетъ въ массѣ бездушнѣй матеріи. Но кромѣ брѣннаго тѣла у насъ есть душа, отличная отъ матеріи. Изъ персти Господь создалъ наше тѣло, но

въ это перстное тѣло Онъ вдунулъ дыханіе жизни (Быт II, 7), которое, будучи неоднородно съ тѣломъ, и не имъ порожденное, не можетъ быть уничтожено вмѣстѣ съ перстію.—Душа наша существо простое, недѣлимое, не сложенное изъ матеріальныхъ частицъ. Тѣло, когда умираетъ, разлагается на составныя части, и разрушается связь, сдерживающая ихъ въ единствѣ. Но въ простой душѣ немыслимо никакое разложеніе. Эта душа проявляетъ свою жизнь и силу въ мысли, въ чувствѣ, въ желаніяхъ и рѣшеніяхъ, и при измѣненіи тѣла она сознаетъ себя единымъ, самостоятельнымъ существомъ. Связываютъ эту силу души мыслить, чувствовать и желать, и вообще сознавать себя, съ нервными узлами, составляющими утонченную часть нашего тѣла. Но эти нервные узлы—часть матеріи мертвой, неспособной къ сознательной жизни: предоставленные самимъ себѣ и не возбуждаемые силою, высшею матеріи и господствующею надъ нею, они представляютъ инертное тѣло, рѣшительно неспособное къ какой-либо самостоятельной дѣятельности. Узлы эти остаются на своемъ мѣстѣ, когда душа оставляетъ тѣло, и не теряютъ своей формы; а между тѣмъ тогда отъ нихъ не видно никакого проявленія жизни, а тѣмъ болѣе мысли, сознательнаго чувства и вольныхъ движеній. Правда, безъ нихъ душа не можетъ входить въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, получать отъ него впечатлѣнія и воздѣйствовать на него. Но это отнюдь не служитъ основаніемъ къ отрицанію самостоятельности души. Премудрому Творцу угодно было соединить безсмертный духъ съ перстнымъ тѣломъ, и этому тѣлу назначить служеніе для сношенія духа нашего съ внѣшнимъ міромъ. Но органы тѣла, служащіе душѣ,—положимъ, нервы наши,—отнюдь не самая душа. Они—машина, которыми пользуется душа, входя въ сношеніе съ видимымъ міромъ. Машина дѣйствуетъ, пока ея управляетъ живая умная сила, какою въ данномъ случаѣ является безсмертная душа.

По разрушеніи машины, живая сила, ею управлявшая, остается, хотя безъ нея во внѣшнемъ мірѣ попрежнему дѣйствовать не можетъ. У этой живой силы есть вѣчный домъ, въ который отходитъ она, по оставленіи тѣла, съ которымъ была связана въ назначенные ей дня земного существованія. И вотъ, когда наступаетъ предѣлъ этого земнаго существованія, перстное тѣло возвращается въ землю, изъ которой создано оно, а духъ возвращается къ Богу, который далъ его (Еккл. XII, 7). Такъ говоритъ премудрый Екклесіастъ, вдохновляемый Духомъ Божиимъ.

И безъ указаній слыше, здравой мысли видна самостоятельность души, могущей существовать и безъ связи съ тѣломъ, и не умирающей вмѣстѣ съ тѣломъ. Люди философствующей мысли, пользующіеся наибольшимъ авторитетомъ въ исторіи человѣческаго мышленія, единогласно признають это. „Разумная душа (говоритъ одинъ изъ нихъ—Аристотель)—бессмертна; она не рождается съ тѣломъ и не умираетъ съ нимъ... Она частица божества и по смерти тѣла возвращается къ своему источнику“. „Когда человѣкъ умираетъ (говоритъ другой—Плотинъ), тогда душа покидаетъ тѣло, какъ одежду, и улетаетъ въ горняя“.

На эту самостоятельность души, могущей жить и имѣющей жить и безъ тѣла, указываетъ и Господь, когда говоритъ: *не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить* (Матѳ. X, 28). Тѣло убитаго погибаетъ, а душа, по словамъ Господа, не подвергается смерти, а остается и будетъ продолжать свое существованіе.

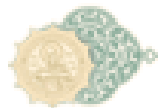
При взглядѣ на порядокъ, существующій въ мірѣ, душа наша никакъ не можетъ мириться съ мыслію о нашемъ полномъ уничтоженіи, угрожающемъ намъ по представленію неразумія человѣческаго. Въ мірѣ, нами обитаемомъ, все прекрасно устроено; вездѣ мы видимъ ясные слѣды мудрости, силы и благодати Міроуправителя, повергающіе въ благоговѣйное

изумленіе мыслящаго наблюдателя. Какая повсюду чудная гармонія! Какая мудрая цѣлесообразность! Каждому творенію назначено свое служеніе и указана цѣль, которая въ рядѣ существъ непремѣнно осуществляется безсознательною силою, плъ данною. Блаженство бытія разлито повсюду: все довольствѣ само по себѣ: всѣ, вложенныя въ творенія, силы безирепятственно разливаются, и чувствуется наслажденіе жизнью отъ удовлетворенія потребностей и стремленій, составляющихъ жизненную силу природы тварныхъ существъ. И вдругъ, на высшихъ степеняхъ бытія такой диссонансъ! Вѣнецъ творенія—человѣкъ, одаренный чрезвычайными силами, неизмѣримо возвышающійся надъ всѣмъ твореніемъ,—обреченъ на гибель и уничтоженіе! Дать ему такія силы, вложить въ него возвышенныя стремленія къ міру идеальному, сообщить ему вдохновенія, влекуція его отъ земли къ небу, призвать его на уготованный ему пиръ жизни,—и потомъ погубить его чрезъ краткій промежутокъ времени, не давъ удовлетворенія его высшимъ стремленіямъ—представленіе такое стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ свойствами верховнаго Правителя вселенной, явно отпечатѣнными на всемъ великомъ разнообразіи тварей. Это совершенно разрупало бы дивную гарантію, господствующую въ мірѣ, какою всѣ мы поражаемся. Творецъ сдѣлалъ бы насъ самыми несчастными изъ своихъ созданій, если для насъ смертію все кончается. *Аще въ животѣ сѣмъ точію уповающе есмы во Христа, окаяннѣйшими всѣхъ человекъ есмы* (I Кор. XV, 19), говоритъ апостолъ.

Но нѣтъ! Творецъ, котораго мы не можемъ представлять иначе, какъ всеблагимъ, премудрымъ и всемогущимъ, не могъ уготовать намъ такой печальной участи. Наша нынѣшняя жизнь, такая краткая, такъ полная скорбей, не дающая намъ искомаго нами счастья—не послѣдній удѣлъ нашъ. Будетъ другая жизнь, и мы будемъ жить и послѣ того, когда

душа наша разлучится съ тѣломъ Настоящая жизнь наша— талантъ, данный намъ Богомъ въ употребленіе для того, чтобы мы приобрѣли на него блаженство въ жизни будущей, нескончаемой. Это—приносимая нами земная плата за обѣщанныя намъ райскія утѣхи въ жизни загробной. Во время земной жизни мы какъ бы плаваемъ по бурному житейскому морю, а въ часъ смерти входимъ въ тихую пристань, въ которой находимъ успокоеніе отъ тревоженій, нами испытанныхъ, и отдохновеніе отъ трудовъ, нами понесенныхъ.

Святые Божіи, которые, при помощи благодати Божіей, и во плоти жили духомъ,—предпопущали блаженство жизни будущей, и, предпочитая ее нынѣшней многоятежной жизни, желали отрѣшиться отъ тѣла и съ радостію переступали пороги земнаго бытія, за которыми открывалась для нихъ новая лучшая жизнь. Таковъ святой апостолъ Павелъ. *Вѣмы (говорить онъ), яко аще земная наша хранина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, хранину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желаяще... Ибо сущіи въ тѣлѣ семъ воздыхаемъ отягчаеми.. вѣдаяще, яко живуще въ тѣлѣ, отходимъ отъ Господа. Дерзаемъ же (благодарующе) и благоволимъ паче отъити отъ тѣла и вни-ти ко Господу (2 Кор. V, 1—2. 4. 6. 8). Мнѣ (говорить онъ о себѣ въ другомъ мѣстѣ) еже жити—Христосъ; и еже умерети приобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти составляетъ плодъ моему дѣлу; то не знаю, что избрать. Влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ; потому что это несравненно лучше (Фил. 1, 21—23). А великій сонмъ мучениковъ! Они съ благодушіемъ, радостію и благодареніемъ Богу принимали самую ужасную смерть,—съ благодушіемъ и радостію потому, что эта смерть отверзала для нихъ ворота рая и открывала доступъ на небо, въ жилище блаженныхъ духовъ.*

Когда первомученика архидіакона Стефана побивали камнями, онъ увидѣлъ надъ собою отверстныя небеса, и Сына человеческого, стоящаго одесную Бога, и укрѣпляемый силою вѣры, сохраняя удивлявшее гонителей спокойствіе, молился, говоря: *Господи Іисусе, прійми Духъ мой* (Дѣян. Апост. VII, 23).

Какъ-же будетъ жить душа, когда выдетъ изъ брэннаго тѣла? Въ этомъ главная и трудная загадка для нашей мысли, и на уясненіи ея мы хотимъ сосредоточить свое и ваше вниманіе.

Само собою разумѣется, что жизнь души за гробомъ будетъ совершенно отлична отъ жизни настоящей, и по явленіямъ, видѣннымъ нами въ мірѣ матеріальномъ, нами обитаемомъ, мы не можемъ составлять о ней болѣе или менѣе яснаго представленія. Не будетъ внѣшнихъ чувствъ и нервныхъ узловъ, пособіями которыхъ она пользуется до разлученія съ тѣломъ, при сношеніи съ внѣшнимъ міромъ. Въ замѣнъ внѣшнихъ чувствъ у ней разовьется чувство внутреннее, которымъ она будетъ воспринимать впечатлѣнія отъ существъ, вѣе ея находящихся. Это чувство находится въ ней и нынѣ, но стѣсненное грубою тѣлесною оболочкою, оно не можетъ проявлять всей своей силы. По слову Писанія, нынѣ *тѣло тѣльное отягощаетъ душу, а земное жилище обременяетъ духъ мноюпопечителенъ* (Прем. Сол. IX, 19). Вышедши изъ этого тѣснаго земнаго жилища, она будетъ чувствовать себя свободною на широкомъ просторѣ новаго міра, который предъ нею откроется, и ея не будутъ сдерживать разныя матеріальныя препятствія, нынѣ ее ограничивающія. По представленію философа Платона, „наша душа въ сей жизни находится въ тѣлѣ, какъ бы въ темницѣ; какъ бы скованная узами, она принуждена смотрѣть на все существующее не сама чрезъ себя, а сквозь тѣло, какъ бы чрезъ рѣшетку темницы. Тѣло препятствуетъ пріобрѣтенію истиннаго знанія или истины, которая воспринимается не чувствомъ, но чи-

стымъ мышленіемъ. По указанію опыта, душа мыслить лучше тогда, когда ничто не безпокоитъ ее, ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, и когда, оставивъ тѣло и сколько возможно удалившись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ одна сама по себѣ и стремится къ сущему¹⁾. У насъ и въ здѣшней жизни, когда поражено бываетъ одно чувство, на-примѣръ, зрѣніе, въ замѣнъ его усиленно развиваются другія чувства,—слухъ и осязаніе. Когда же всѣ внѣшнія чувства будутъ отняты, тогда естественно душа изощритъ присущее ей чувство внутреннее, которое будетъ замѣнять утраченныя чувства внѣшнія. Не будетъ ока тѣлеснаго; но вмѣсто него будетъ дѣйствовать око духовное, и при пособіи его мы будемъ воспринимать не внѣшніе только предметы, но придемъ въ соприкосновеніе съ предметами чисто духовными, теперь не подлежащими нашему наблюденію.

Въ какомъ видѣ мы можемъ представлять бытіе души, разлучавшейся отъ тѣла? Мы не можемъ представлять ее безвиднымъ паромъ, теряющимся въ воздушныхъ пространствахъ. Она сохранить пѣкія тишическія формы своей личности, неувидимыя и недоступныя нынѣ для нашего глаза. У ней будетъ свой опредѣленный видъ и образъ, которымъ она будетъ отличаться отъ другихъ, и по которому ее будутъ узнавать другіе. По слову Господа въ притчѣ о богатомъ Лазарѣ, когда умеръ Лазарь, душу его несли ангелы. Конечно, эта, несомая ангелами, душа была для нихъ такою же, сосредоточенною въ себѣ и отличною отъ другихъ, особою, какою служимъ мы другъ для друга. Далѣе, по указанію той-же притчи, умершій богачъ увидѣлъ и узналъ Лазаря, сидящаго на лонѣ Авраама, узналъ и Авраама, и между ними открылись сношенія, которыя были бы немыслимы, если-бы

¹⁾ Чедонъ въ перев. Карпова, безсмертіе души В. Кудрявцева, стр. 32.

душа умершаго Лазаря и богача не имѣла опредѣленнаго вида. Когда святымъ отцамъ приходилось говорить о томъ, какъ будетъ существовать душа, по освобожденіи отъ тѣла, они утверждаютъ, что у ней будетъ своя, не матеріальная, личная форма. Такъ святой Макарій Великій говоритъ, что ангелы и души человѣческія имѣютъ свой видъ и образъ, и что этотъ видъ и образъ души человѣческой есть образъ и видъ внѣшняго человѣка. По его словамъ, грубое тѣло человѣческое служитъ одеждою для тонкаго тѣла души¹⁾, и онъ, въ поясненіе и доказательство этого, приводитъ свидѣтельство, что совершеннѣйшіе изъ христіанъ, очищенные и просвѣщенные Святымъ Духомъ, видятъ образъ ея, на что представляется много свидѣтельствъ въ житіяхъ святыхъ. Св. священномученикъ Иринеѣ такъ говоритъ о формѣ души: „какъ вода, влитая въ сосудъ, будетъ имѣть форму сосуда, въ которомъ она замерзла, такъ и душа имѣетъ видъ тѣла, поелику она приспособлена къ этому сосуду“. Нашъ русскій святитель, отличавшійся подвижническою жизнью, извѣстный Игнатій Брянчаниновъ приводитъ (въ словѣ о смерти) свидѣтельства двухъ отшельниковъ (монаха Василиска, скончавшагося въ 1825 году, и схимонаха Игнатія, скончавшагося въ 1832 году) о томъ, что они во время молитвы внезапно увидѣли свои души исшедшими изъ тѣла и стоящими на воздухѣ. Души представлялись имъ тѣлами тонкими, эфирными, летучими, по виду сходными съ тѣмъ тѣломъ, въ которомъ онѣ обитали.

Очень хорошо знаю я, что свидѣтельства, почерпнутыя изъ житій святыхъ, для многихъ кажутся мало убѣдительными, хотя они не менѣе достовѣрны, чѣмъ другія историческія сказанія о временахъ отдаленныхъ, легко принимаемая на вѣру. Для сомнѣвающихся мы считаемъ неизлиш-

¹⁾ Макарій Вел. бос. 7 п. 9.

нимъ привести сужденія людей совершенно противоположнаго лагеря, смотрящихъ на дѣло не съ богословской, а съ раціоналистической точки зрѣнія. Нѣкто Сабатье, деканъ естественно-историческаго факультета въ Монпелье, а прежде профессоръ женевского университета, разсуждая о жизни и смерти съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма, приходитъ къ заключеніямъ, согласнымъ съ представленіями о формѣ и образѣ души, прежде нами высказанными. „Настоящее тѣло наше (говоритъ онъ)—служебное орудіе для духа нашего, которымъ онъ пользуется, ища удовольствованія своимъ высшимъ потребностямъ. Когда же это служебное орудіе, жертва высшихъ потребностей, сдѣлается неспособнымъ къ новому совершенствованію и уже дастъ все, что можетъ дать, то надо полагать, что явится какой-нибудь другой организмъ, который будетъ соответствовать требованіямъ прогресса. Другое тѣло, состоящее изъ иной матеріи и способное, не умирая, достигнуть степени организаціи, соответствующей высшимъ состояніямъ, можетъ позволить духу подняться еще на новую степень совершенства“. Будетъ ли это новое тѣло матеріально? Въ отвѣтъ на это Сабатье говоритъ: „мы не знаемъ ни того, что такое матерія, ни того, въ какихъ состояніяхъ она можетъ находиться. Вѣдь сколько формъ матеріи существуетъ такихъ, какихъ мы не знаемъ! Вѣроятно, существуютъ невѣсомыя и неосязаемыя формы матеріи, а кто знаетъ, не будетъ-ли соответствовать одной изъ этихъ формъ та физическая группировка, которая должна занять мѣсто настоящаго тѣла“¹⁾. Раскрывая подробнѣе свою мысль, Сабатье полагаетъ, что душа или, по его словамъ, духовная (психическая) личность сохраняетъ прочность и организацію и послѣ разрушенія грубаго тѣла, и сама образуетъ новый организмъ или новую форму, которая была бы въ состояніи

¹⁾ Сабатье Жизнь и смерть. Пер. Обрепмова, стр. 200—201.

сохранить ея цѣлость. „Если земной организмъ (говорить онъ) былъ произведеніемъ духа, если темная и слабая психическая сила могла образовать грубую земную пласму, то можно предположить, что психическая сила, сдѣлавшаяся личностію, можетъ, въ свою очередь, организовать нѣчто въ родѣ загробной пласмы, тонкой и могучей, способной организовать аккумуляторъ высшей психической жизни. Этотъ новый аккумуляторъ долженъ состоять изъ чего-то, что мы называемъ матеріей, но матеріи болѣе легкой, болѣе свободной, отличающейся болѣе гармоническимъ строеніемъ. Если глазъ наблюдателя и не можетъ открыть присутствія этого новаго организма,—тонкаго, легкаго и нѣжнаго внутри организма мозговаго, то во всякомъ случаѣ факты даютъ намъ право догадываться, если не быть увѣренными, что осязаемая, вѣсомая матерія проникнута вполнѣ матеріей неосязаемой и невѣсомой. Матеріальная среда, называемая физиками эфиромъ, природа которой намъ совершенно неизвѣстна, но которую наука считаетъ вполнѣ возможной, хотя наши чувства и не въ состояніи ея открыть,—эта среда, служащая ареной для свѣтовыхъ, тепловыхъ, электрическихъ и магнитныхъ вибрацій и многихъ другихъ, неизвѣстныхъ намъ, силъ, проникаетъ свѣтищіяся, нагрѣтыя, наэлектризованныя, намагниченныя тѣла, является для этихъ силъ тонкой, неосязаемой средой внутри среды видимой и осязаемой. Не будетъ-ли такой эфирный организмъ и у нашего духа, по оставленіи имъ грубаго, дебелаго тѣла?“¹⁾

Существованіе этого эфирнаго организма у души, оставляющей разлагающійся тѣлесный организмъ, Сабатье доказываетъ фактами, получившими названіе фактовъ теленагіи, которые состоятъ въ томъ, что человѣку вдругъ представ-

¹⁾ Сабатье. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма, пер. Обренхова, стр. 103—105.

ляется лицо его родственника или отсутствующаго друга, и онъ узнаетъ потомъ, что въ моментъ явленія призрака скончалось лицо, явившееся другу или родственнику. Факты такого рода очень многочисленны, и, вѣроятно, много изъ вастъ случалось слышать о подобныхъ явленіяхъ. Мы приведемъ два, три случая, записанные людьми, заслуживающими полнаго довѣрія. Одинъ случай записанъ поэтомъ Жуковскимъ, и подтвержденъ извѣстнымъ Пироговымъ. У одной дамы въ Москвѣ былъ боленъ любимый сынъ, у постели котораго она сидѣла и ночью. Все вниманіе ея было сосредоточено на страждущемъ младенцѣ, и вдругъ она видитъ, что въ дверяхъ ея горницы стоитъ ея родственница Мойеръ, жившая въ Лифляндіи, въ Дерптѣ. Явленіе было такъ живо, что мать, забывъ ребенка, обратилась съ распростертыми объятіями къ вошедшей родственницѣ. „Это ты Мойеръ?“ Но посѣтителница мгновенно исчезла. Оказалось, что въ этотъ самый часъ Мойеръ умерла отъ родовъ въ Дерптѣ ¹⁾).

Въ словарь достопамятныхъ людей русской земли Бантышъ-Каменскаго разсказывается о нѣкоей Екатеринѣ Ивановнѣ Штакельбергъ, бывшей фрейлиной при Екатеринѣ II, слѣдующее: однажды она, въ бытность Высочайшаго Двора въ Царскомъ Селѣ (1767 г.), находясь при Дворѣ, занималась своимъ туалетомъ въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ подругъ. Среди полнаго веселья, она, какъ бы невольно, взглянула въ окно, потомъ еще разъ взглянула съ большимъ удивленіемъ, а затѣмъ и въ третій разъ, причемъ, вскочивъ съ кресла, вскрикнула: батюшка пріѣхалъ и подходитъ къ окну! Она побѣжала на встрѣчу къ отцу въ садъ, но тамъ никого не было, и послѣ долгихъ розысканій она убѣдилась, что родитель ея не пріѣзжалъ. Когда разсказали объ этомъ Императрицѣ,—она велѣла записать день и часъ видѣнія. Черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе изъ Риги о кончинѣ

¹⁾ 6-я книга сочиненія Жуковскаго. Ст. „Нѣчто о провидѣніяхъ“.

отца фрейлины Штакельбергъ, и именно въ тотъ день и часть, когда онъ являлся дочери.¹⁾

Еще замѣчательный рассказъ передается о князѣ Владиміръ Сергѣевичѣ Долгорукомъ, бывшемъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ, въ царствованіе Фридриха II. Онъ заразился вольномысліемъ, увлекался Вольтеромъ, Даламберомъ и другими, и совершенно потерялъ вѣру, въ которой былъ воспитанъ. У него былъ набожный братъ, который очень огорчался увлеченіями и безвѣріемъ брата, писалъ ему письма, въ которыхъ старался убѣдить его, что онъ въ заблужденіи, что безъ истинной вѣры нѣтъ для человека счастья и т. под. Но Долгорукій только смѣялся надъ убѣжденіями вѣрующаго брата. Однажды онъ, возвратясь отъ короля и чувствуя усталость, наскоро раздѣлся, бросился въ постель и задремалъ. Вдругъ слышитъ онъ: кто-то отдергиваетъ его занавѣсъ, приближается къ нему, и холодная рука прикасается къ его рукѣ, даже жметъ ее. Онъ смотритъ, видитъ брата и слышитъ отъ него: „вѣрь“. Обрадованный неожиданнымъ явленіемъ брата, князь хочетъ броситься въ его объятія, но вдругъ видѣніе исчезаетъ. Онъ спрашиваетъ слугъ: куда дѣвался братъ? Всѣ говорятъ ему, что никакого брата къ нему не являлось. Князь старался увѣрить себя, что это сонъ, мечта, но слово „вѣрь“ не перестаетъ раздаваться въ его ухахъ и не даетъ ему покоя. Онъ записалъ число, часъ и минуту видѣнія и вскорѣ получилъ извѣстіе, что въ этотъ самый часъ и минуту скончался братъ его. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался набожнымъ и вѣрующимъ христіаниномъ и часто рассказывалъ другимъ объ этомъ видѣніи²⁾.

¹⁾ Словарь дост. людей русской земли Бантыш-Каменскаго, изд. 1836 г., т. V, стр. 94—95.

²⁾ Утѣшеніе въ скорби близк. сердцу, стр. 95—6. Рассказы приводятся по книгѣ іеромонаха Митрофана: „Какъ живутъ наши умершіе, и какъ будутъ жить и мы по смерти“. Т. 1—92—94.

Разсказывалъ покойный митрополитъ Кіевскій Платонъ, что, въ бытность его инспекторомъ петербургской Академіи, онъ принималъ большое участіе въ положеніи одного студента, подвергшагося тяжелой болѣзни, и что разъ ночью, часу въ первомъ или во второмъ, когда онъ еще не спалъ, вдругъ является предъ нимъ этотъ студентъ, хотя двери его комнаты были закрыты, и потомъ исчезаетъ; узнаетъ онъ утромъ, что въ тотъ часъ, когда явился ему студентъ, душа его отошла въ вѣчность.

Эти явленія, какихъ можно привести очень много, не служатъ ли доказательствомъ того, что въ тяжелый моментъ смерти или разлученія съ тѣломъ душа умирающаго хочетъ дать знать о себѣ тому, съ кѣмъ связана была тѣсными узами во время земнаго существованія, и для того является ему въ своемъ эфирномъ тѣлѣ.

Многіе считаютъ сказанія о подобныхъ явленіяхъ бабьими предразсудками. Но довольно большой кружокъ добросовѣстныхъ изслѣдователей собираетъ факты подобнаго рода и, придавая имъ реальное значеніе, будитъ серьезную мысль къ обсужденію загадочныхъ явленій. И можетъ быть (говоритъ Сабатье) придетъ время, „когда человѣчество признаетъ за этими смѣлыми и искренними людьми доказательство одной изъ важнѣйшихъ истинъ въ исторіи человѣческой личности“¹⁾.

Когда апостолъ Павелъ восхищенъ былъ въ рай и слышалъ тамъ неизреченные глаголы, ихже не слѣтъ есть человеку глаголати, онъ, какъ самъ изъясняетъ, не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ былъ тогда, или внѣ тѣла (2 Кор. XII, 2—4). Не будетъ противно истинѣ, если мы скажемъ, что не тѣломъ вознесенъ онъ былъ въ рай, а душа его, богатію Божію отдѣлившаяся отъ тѣла, хотя и не порвавшая сношенія съ нимъ, унесена была туда, и душа эта была тотъ эфир-

¹⁾ Сабатье. Бесмертіе души съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма, стр. 109—110.

ный организм или образъ, ей присущій, который, не стѣс-
няемый дебелимъ тѣломъ, могъ переноситься чрезъ многія
пространства, туда, куда не можетъ проникнуть наше тѣло,
вѣсмое, повиனுющееся закону тяготѣнія.

Проявляется ли, и въ чемъ проявляется жизнь и дѣя-
тельность души, послѣ смерти, по разлученіи съ тѣломъ?

Жизнь души, по отдѣленіи отъ тѣла, нѣкоторые пред-
ставляютъ покоемъ, напоминающимъ собою глубокой непро-
будный сонъ. Но такое представленіе не согласуется съ тѣми
свойствами, какими обладаетъ существо души, освободившейся
отъ тѣла, и съ тѣми указаніями, какія даютъ намъ каса-
тельно этого предмета священные писатели. Покой, въ какой
входитъ душа по смерти,—покой отъ трудовъ и заботъ земныхъ,
но не бездѣтельность. Съ душой остается сознаніе,—ея суще-
ственная характеристическая черта,—сознаніе своей самости,
остается мысль, остается чувство и желаніе, возбуждающее
къ извѣстнаго рода дѣятельности. *Блажени мертвіи, умираю-
ущи о Господѣ* (говоритъ Тайновидецъ). *Ей, глаголетъ Духъ,
да почіють отъ трудовъ своихъ*, и затѣмъ прибавляетъ: *дѣла
бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними* (Апок. XIV, 13). Если
вслѣдъ съ ними ходятъ дѣла, то они не остаются непрічаст-
ными ни къ какой дѣятельности. Апостолъ, говоря о покоѣ,
какой обѣтованъ увѣровавшимъ въ Господа, сравниваетъ его
съ тѣмъ покоемъ, какой наступилъ для Творца, по окончаніи
дней творенія. *Оставлено есть субботство людямъ Бо-
жіимъ. Вшедый бо въ покой Его, той почи отъ дѣлъ
своихъ, якоже отъ своихъ Богъ* (Евр. IV, 9—10). Но
послѣ дня покоя Божія не изсякла творческая сила, и все-
могущая десница Божія, управляющая міромъ, не оставалась
въ бездѣйствіи покоя. *Отецъ мой* (говоритъ Господь) *досель
дѣлаетъ и азъ дѣлаю* (Іоан. V, 17). Подобно этому, не
прекращается и дѣятельность души, вошедшей въ покой Бо-
жій, по окончаніи земныхъ трудовъ,—только она принимаетъ

другой характеръ, проявляется въ иной формѣ, отличной отъ той, какую она имѣла, когда соединена была съ тѣломъ, и обладала внѣшними тѣлесными органами.

Нынѣшняя наша дѣятельность—дѣятельность прерывчатая. Намъ необходима перемѣна сна и бодрствованія, и сонъ служитъ успокоеніемъ для утомленныхъ тѣлесныхъ органовъ, послѣ котораго восстанавливается ихъ сила; а душа во время этого успокоенія не прекращаетъ своей дѣятельности, не замираетъ, какъ доказываютъ наши сновидѣнія. Для души, предоставленной самой себѣ и испещенной изъ тѣла, не нужна будетъ эта перемѣна сна и бодрствованія, и день и ночь она одинаково будетъ сознать и чувствовать себя, потому что у ней не будетъ матеріальныхъ органовъ, не могущихъ выдерживать постоянной и неотмѣнной дѣятельности, и нуждающихся въ періодическомъ восстановленіи силъ.

Не будетъ душа, въ своей неосязаемой и невидимой нами организаціи, чуждой вѣсомой матеріи, стѣснена формами пространства, какъ стѣснены мы нынѣ. Нынѣ, чтобы перенестись тѣломъ изъ одного пространства въ другое, мы нуждаемся въ разныхъ средствахъ передвиженія, и нужна большая или меньшая мѣра времени для перехода нашего изъ одного мѣста на другое. Для души, не отягченной тѣломъ, излишни будутъ всякія чувственные средства передвиженія. Подобно крылатой мысли, она безпрепятственно будетъ переноситься изъ одного мѣста въ другое, и ей не будутъ преграждать пути, при ея передвиженіяхъ, тѣ препятствія, какихъ мы нынѣ не можемъ одолѣть, напримѣръ, рѣки, горы и стѣны.

Дѣятельность души, по смерти, будетъ продолжаться въ томъ направленіи, какое дано ей предшествующею дѣятельностію, при соединеніи ея съ тѣломъ. Закваска, воспринятая въ земной дѣятельности, при посредствѣ тѣла, внѣдряется въ нее, и она уже не можетъ отрѣшиться отъ нея и получить иное теченіе. Выходитъ духъ изъ тѣла, и въ

немъ (говорить одинъ нашъ проповѣдникъ)¹⁾ все, и доброе и худое, съ неудержимою силою раскрывается: его мысли, чувства, нравственный характеръ, страсти и стремленія воли, все это развивается въ необъятныхъ размѣрахъ: онъ самъ ихъ ни остановить, ни помѣнить, ни побѣдить не можетъ; безпредѣльность вѣчности увлекаетъ ихъ до безконечности; его недостатки и слабости обращаются въ положительное зло. Равнымъ образомъ и добро раскроется во всей полнотѣ и силѣ; оно будетъ развиваться со всею свободою, которой здѣсь не имѣло, обнаружитъ все свое внутреннее достоинство, здѣсь болѣею частью сокрытое, все свое блаженство, здѣсь подавляемое разнообразными скорбями жизни. И понесется эта душа, всею силою своею приречнаго, нравственно развитаго стремленія горѣ, въ высшія сферы того міра, туда, гдѣ въ безконечномъ свѣтѣ являетъ Источникъ и Первообразъ всякаго добра... И не праздно будетъ душа жить и наслаждаться своимъ добромъ и блаженствомъ: она будетъ дѣйствовать,— дѣйствовать своимъ, уже ничѣмъ не затемняемымъ, не заблуждающимся, а просвѣтленнымъ умомъ, въ созерцаніи и постиженіи таинъ Бога, міросозданія, себя самой и вѣчной жизни; будетъ дѣйствовать всею силою уже ничѣмъ не стѣсняемыхъ и неповреждаемыхъ чувствъ сердца, въ развитіи своей новой, высшей жизни; будетъ дѣйствовать всею крѣпостію своихъ духовныхъ, ничѣмъ не удержимыхъ и не развлекаемыхъ въ разныя стороны, стремленій воли, по пути указанному ей судомъ высшей Правды и Любви, къ пѣлямъ, опредѣленныхъ въ предвѣчныхъ идеяхъ царства Божія“.

Чаянія и надежды витаютъ въ душахъ, отшедшихъ изъ этого міра, и ими ободряютъ онѣ себя. До явленія Спасителя міра или до воплощенія Сына Божія эти чаянія и надежды сосредоточены были на ожиданіи пришествія обѣтованнаго

¹⁾ Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго. Слово въ день Успенія Божіей Матери, стр. 185—7.

Мессии, и онѣ, пребывая въ преисподней, съ мольбами обращались къ Богу объ ускореніи этого происшествія, и когда совершилось дѣло искупленія, отрадой и радостью исполнились сердца ждавшихъ этого искупленія. *Авраамъ отецъ вашъ* (говорить Господь іудеямъ) *радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой; и видѣть и возрадовася* (Іоан. VIII, 56). Видѣлъ и возрадовался онъ тогда, когда Господь своею крестною смертію искупилъ насъ отъ клятвы законныя. Послѣ совершенія дѣла искупленія, чаянія и надежды отшедшихъ душъ обращены къ явленію дня будущаго суда и воздаянія, и если видятъ они развращеніе и отпаденіе отъ Бога живущихъ на землѣ, они молятъ праведнаго Судію и Вседержителя, чтобы скорѣе наступалъ этотъ день суда и воздаянія. Тайновидецъ видѣлъ души избѣженныхъ за слово Божіе, и онѣ вопіяли къ Богу гласомъ великимъ: *доколь, Владыко святой и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей отъ живущихъ на земли?... И речено бысть имъ, да почіють еще время мало, дондеже скончуются и клеветни ихъ и братія ихъ* (Апок. VI, 10—11).

Но если есть у отшедшихъ отсюда въ иной міръ душъ чаянія и надежды, то могутъ волновать тѣ и другія изъ нихъ страхи и трепетныя ожиданія. Эти страхи и трепетныя ожиданія будутъ у тѣхъ, которыя во время земной жизни заражены были нечестіемъ, попирали вѣру и отвергались Христа Господа. Имъ откроется, что всѣмъ намъ явиться подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, о чемъ онѣ не думали во время земной жизни, или во что не хотѣли вѣрять, и ихъ будетъ страшить та отвѣтственность предъ этимъ судомъ, какой не избѣжать имъ, и послѣдующая за судомъ грозная и тяжелая участь, ихъ ожидающая, и тяжекъ будетъ для нихъ тотъ ужасъ, какой будетъ наподнять ихъ.

Способны переселившіяся въ иной міръ души и къ воспріятію высшихъ откровеній, при посредствѣ которыхъ бо-

лѣе и болѣе будутъ освѣщаться предъ ними тайны божественнаго міроуправленія. Что мы нынѣ видимъ яко зеркаломъ въ гаданіи, то онѣ увидятъ прямо лицомъ къ лицу (1 Кор. XIII, 12). Откровенія, освѣщающія предъ ними пути Божіи, онѣ получаютъ изъ высшаго духовнаго міра, въ непосредственное общеніе съ которымъ онѣ входятъ, по оставленіи тѣла. Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что и мертвымъ было благовѣствованіе для того, чтобы они, подвергшись суду по человѣку плотію, ожили по Богу духомъ (1 Петр. IV, 6). Наша церковь вѣруетъ, что св. Іоаннъ Предтеча, во время своей жизни проповѣдывавшій о приближеніи царствія Божія и указывавшій своимъ современникамъ Агнца Божія, вземающаго грѣхи міра, не прекратилъ своей проповѣди и по смерти, но переселившись къ прежде почившимъ отцамъ, *благовѣстилъ* (какъ говорится въ церковной пѣсни) ¹⁾ *и сущимъ во адѣ Бога, являшася плотію, вземающаю грѣхи міра и подающаю намъ велию милость*. По словамъ апостола Петра, и самъ Господь Іисусъ Христосъ, умерщвленный плотію, но живой духомъ, нисшедъ во адъ, *проповѣдалъ сущимъ въ темницы духовомъ*, и между душами, слышавшими во адѣ проповѣдь Спасителя, апостолъ указываетъ души тѣхъ, которые во дни Ноя, не внимая угрожающимъ казню Божию словамъ праведника, оказались непокорными ожидавшему ихъ Божию долготерпѣнію (1 Петр. III, 18—20). Принятіе этими душами проповѣди Спасителя внесло отраду въ ихъ томлящіяся сердца, и Господь, нисходящій во адъ для избавленія плѣнныхъ, извелъ изъ глубины ада тѣ души, которыя оказались приготовленными и расположенными къ принятію Его благовѣстія.

Святыи Іоаннъ Богословъ, въ откровеніи своемъ приподнимаетъ для насъ часть завѣсы, скрывающей отъ насъ образъ жизни и дѣятельности отшедшихъ душъ. По его сло-

¹⁾ Тропарь св. Іоанну Предтечѣ.

вамъ, праведныя души, вышедшія изъ нашего скорбнаго міра, своими помышленіями и желаніями устремлены къ Богу, Источнику всякаго блаженства, и вмѣстѣ съ ангелами служатъ Ему день и ночь, вознеся Ему хвалу и благодареніе. *Взынулъ я (говорить онъ), и вотъ великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ, и колынь, и народовъ и языковъ стояло предъ престоломъ и предъ Аинцемъ,... и восклицали громкимъ голосомъ, говоря: спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Аинцу! И всѣ ангелы стояли вокругъ престола... и пали предъ престоломъ на лица свои и поклонились Богу, говоря: аминь; благословеніе и слава, и премудрость, и хвала, и честь, и сила, и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь (Апок. VIII, 9—15). И Господь, предъ престоломъ котораго стоятъ и служатъ они, по словамъ Тайновидца, вселится въ нихъ (Апок. VII, 15). Они будутъ воспринимать часть блаженства, текущаго отъ Источника всякой радости, и ихъ будетъ укрѣплять сила, отъ Него исходящая. Аинецъ, иже посреди престола, упасетъ я и наставитъ ихъ на животныя источники водъ, и отъиметъ Богъ всякую слезу отъ очей ихъ. (Апок. VII, 17).*

Разлученныя съ нами смертію, души не прерываютъ общенія съ оставшимися въ живыхъ, хотя мы не можемъ видѣть ихъ непосредственнаго отношенія къ намъ. Онѣ помнятъ насъ, думаютъ и заботятся о насъ и желаютъ намъ блага. Онѣ скорбятъ о насъ, когда видятъ нашу безпечность, нашу дурную жизнь и наше неисправленіе, и хотѣли бы обратить неисправныхъ съ пути погибели на путь спасенія, какъ показываетъ это свидѣтельство Господа Іисуса Христа въ евангельской притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Богачъ, находящійся въ аду въ мукахъ за свою грѣховную жизнь на землѣ, мучится еще скорбію о своихъ братьяхъ, которые живутъ такъ же незаконно, какъ жилъ и онъ, и которымъ го-

товится грозная участь, подобная постигшей его, и онъ желалъ бы помочь имъ, вразумить ихъ, и въ глубокой печали о томъ, что самъ не можетъ этого сдѣлать, просить Авраама послать къ нимъ изъ страны умершихъ Лазаря для вразумленія ихъ. Напротивъ, когда онъ видитъ, что мы живемъ по-божьи, заботимся о своемъ душевномъ спасеніи и спѣшимъ исправлять тѣ недостатки, какіе есть въ насъ, и очищать чистосердечнымъ покаяніемъ тѣ погрѣшности, въ какія впадаемъ,—это доставляетъ имъ отраду и утѣшеніе. По слову Господа, *радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся* (Лук. XV, 7), и эту радость первѣе всего раздѣляютъ тѣ души, которыя во время земной жизни связаны были съ нами тѣсными узами. Апостолъ Петръ, зная, по указанію Божію, что скоро наступитъ его смерть или, какъ онъ говоритъ, отложеніе его тѣла, съ полною увѣренностію общается вѣрующимъ: *потщуся и всегда имѣти васъ по моему исходу память о сихъ творити* (2 Петр. 1, 15). Подобное тѣсаніе о близкихъ могли съ вѣрою общаться, при отходѣ изъ этой жизни, и другіе мужи и жены, исполненные любви, никодже отпадающей и переживающей самую смерть.

Не имѣя возможности пользоваться видимыми орудіями, какими мы пользуемся при взаимныхъ услугахъ другъ другу, близкіе намъ умершіе, любящіе насъ, свое тѣсаніе о насъ заявляютъ духовными средствами, имъ доступными,—молитвами, какія не перестаютъ они возносить за насъ предъ престоломъ величія Божія, испрашиваемую ими благодатною помощію въ затруднительныхъ обстоятельствахъ нашей жизни, въ великой скорби и страданіи, въ тяжелой болѣзни и въ разныхъ искушеніяхъ; а иногда прямыми внушеніями намъ, приходящими изъ невидимаго намъ міра. Припомните: не случилось ли вамъ, что память матери, или отца, или любимого вами друга удерживала васъ отъ безчестнаго поступка, или предохраняла васъ отъ опасности, вамъ угрожавшей? Вотъ вы вступили

на опасный путь, на которомъ вамъ угрожаетъ гибель, или дурное сообщество влечетъ васъ на путь беззаконія, или ваша воля изнемогаетъ въ борьбѣ съ искушеніемъ. Но вдругъ, когда близъ васъ погибель, представляется вамъ образъ матери, отца или любящаго васъ друга, — вы измѣняете свое намѣреніе, укрѣпляетесь волею и выдерживаете искушеніе, боитесь и бѣжите отъ того грѣховнаго дѣйствія, къ которому васъ склоняли, сворачиваете съ того пути, на которомъ вамъ угрожало несчастіе или гибель. Эту память о близкихъ сердцу усопшихъ людяхъ, спасающую и укрѣпляющую васъ въ опасныя минуты, не возбуждаютъ ли въ васъ души этихъ усопшихъ, носящихся надъ вами, и желающія предохранить васъ отъ путей погибельныхъ? Мы вѣримъ, что онѣ, по благоволенію Божію, изъ любви къ намъ часто являются незримыми для насъ нашими руководителями и спасителями. Будьте внимательны ко всему, что случается съ вами, — и вы найдете подтвержденіе того въ обстоятельствахъ своей жизни.

Но не всѣ умершіе въ одинаковой степени обладаютъ силою сознанія и чуткостію, и не всѣ одинаково могутъ воздѣйствовать на насъ и оказывать намъ помощь. Здѣсь, въ настоящей земной жизни, есть разныя степени таланта и силы душевной, разныя степени силы будутъ и у душъ усопшихъ. Какъ звѣзда отъ звѣзды разнствуется во славѣ, въ яркости силы свѣта, ея испускаемаго, такъ, по слову Писанія, будутъ различаться и силы душъ, по отшествіи изъ этого міра. У однихъ будетъ слаба степень жизненности, — будетъ блѣдное мерцаніе. Другія будутъ свѣтить, какъ яркія свѣтила, будутъ обладать такою силою, какой не имѣли во время земной жизни. Таковы будутъ люди, которые святою жизнію здѣсь на землѣ достигли высокаго нравственнаго совершенства, доставляли своему духу побѣду надъ плотію и страстями, и одухотворенные, еще пребывая въ тѣлѣ, привлекали къ себѣ благодатную силу, сообщавшую имъ особые дары,

даже дары чудотвореній. Эта благодатная сила, обнаружившаяся у нихъ, когда они еще были на землѣ, не отнимется отъ нихъ, по оставленіи ими брэнной тѣлесной храмины. Напротивъ, тогда она въ большемъ обиліи изліется на нихъ, и, просвѣщая и укрѣпляя ихъ, дастъ имъ возможность знать наши нужды и помогать намъ. Таковы святыя Божіи, составляющіе торжествующую церковь небесную и чтимые за свою святость и благодатную силу, имъ дарованную, церковію земною. Не стѣсненныя пространствомъ, и не знающіе преградъ матеріальныхъ, они будутъ слышать наши воздыханія и мольбы, будутъ знать наши нужды и желанія, и по нашему призыву они будутъ являться нашими помощниками во всѣхъ нашихъ обстоятельствахъ. Не видимъ ли мы проявленія этого вспомошествованія памъ и ходатайства за насъ въ исторіи безчисленнаго множества святыхъ, стоящихъ у престола Божія? Мы, живые, призовемъ ихъ имя, обратимся къ нимъ съ мольбою объ утѣшеніи или помощи, и они видятъ и слышатъ наше обращеніе къ нимъ, и свыше ниспосылаютъ или испрашиваютъ намъ помощь и утѣшеніе. Инымъ изъ нихъ дарованы особыя частныя благодатныя силы. Одни изъ нихъ избавляютъ насъ отъ напрасной смерти; другіе облегчаютъ страданія болѣющихъ тѣмъ или другимъ недугомъ и подають исцѣленія, третьи покровительствуютъ плавающимъ по водамъ, четвертые облегчаютъ труды пониманія и усвоенія преподаваемыхъ знаній, когда испрашиваютъ ихъ помощи при началѣ ученія или при слабыхъ способностяхъ учащагося, и т. д. и т. д. И кто изъ насъ не испыталъ благодатной помощи отъ нихъ послѣ усердной молитвы къ нимъ? Прибѣгайте къ нимъ съ вѣрою и любовію, и не тщетны будутъ наши прошенія, къ нимъ обращаемыя.

Въ исторіи записаны безчисленные примѣры ходатайства святыхъ небожителей за живущихъ въ земной юдоли, и помощи, ими оказываемой тѣмъ, съ кѣмъ связаны они узами

любви. У пророка Іереміи Моисей и Самуиль представляются ходатаями предъ Богомъ за народъ свой, вождями котораго они были во время земной жизни, и Господь, разгнѣванный на нечестіе Израиля, разъ говоритъ чрезъ пророка: если и эти вожди народа предстанутъ предъ лице Мое съ ходатайствомъ за народъ, отступившій отъ Бога, не преклонится къ нему душа Моя (Іер. XV°, 1). Въ книгѣ Маккавейской записано слѣдующее видѣніе Іуды Маккавея: іудеи находились въ крайней опасности отъ язычниковъ, которые, подъ предводительствомъ Никанора, готовы были раздавить и поработить ихъ. Въ это тяжелое время, когда всѣ іудеи были въ бодышомъ страхѣ, Маккавей въ сновидѣніи видитъ Онію, бывшаго первосвященника, мужа честнаго и добраго, почтеннаго видомъ, изъ дѣтства ревностно усвоившаго все, что касалось добродѣтели,—видитъ, что онъ, простирая руки, молится за весь народъ іудейскій. Потомъ явился другой мужъ, украшенный сѣдинами и славою, окруженный дивнымъ и необычайнымъ величіемъ. И сказалъ Онія: это, братолюбецъ, который много молится о народѣ и святомъ городѣ,—Іеремія пророкъ (2 Макк. XV°, 11—14),—и послѣдовало заступленіе отъ Господа.

А сколько новозавѣтныхъ праведниковъ, хозяйствующихъ за насъ предъ Богомъ, которые послѣ совершенія дѣла искупленія грѣшнаго рода человѣческаго, получали больше дерзновенія предъ Богомъ? Во главѣ ихъ Пресвятая Богоматерь, объемлющая своею любовію всѣхъ, страждущихъ на землѣ, и милосердствующая о насъ; ея чудесными благотвореніями роду человѣческому переполненъ весь міръ христіанскій.

Писанія святыхъ отцовъ сколько утѣшеній доставляютъ, сообщая о разительныхъ случаяхъ покровительства намъ, оказываемаго стоящими у престола Божія, заслужившими Его благоволеніе, отцами и братіями вашими! „Какой помощи (говоритъ

св. Иоаннъ Дамаскинъ) не доставляло намъ умиловительное ходатайство апостоловъ и мучениковъ? Сколько разъ они помогали въ войнахъ съ варварами, и прогоняли ихъ всякъ, или истребляли! Сколько случаевъ, угрожавшихъ намъ смертію, они предотвращали своимъ призрѣніемъ! Отъ сколькихъ донынѣ мы избавляемся опасностей ихъ молитвами!“.

Желая сдѣлать для насъ болѣе понятнымъ изліяніе небесной благодати, сообщаемой намъ изъ высшаго загробнаго міра чрезъ посредство благоугодившихъ Богу прежде почившихъ отцовъ и братій нашихъ, святые отцы прежде всего указываютъ на союзъ любви, связующій ихъ съ нами. Мы, живя на землѣ, не разобщены съ членами церкви небесной, а, по Апостолу, являемся сожителями святыхъ. Церковь земная и небесная составляетъ единое тѣло, котораго глава Христосъ, а святые и мученики члены и части его, члены того же тѣла, въ составъ котораго и мы находимся. Будучи соединены съ нами въ единствѣ таинственнаго тѣла Христова, они обнимаютъ насъ своею любовію, побуждающе ихъ оказывать возможное попеченіе о насъ. Какъ въ тѣлѣ нашемъ *еще страждаетъ одинъ члѣвъ, съ нимъ страдаютъ вси члѣвы: аще ли же славится одинъ члѣвъ, съ нимъ радуются вси члѣвы* (1 Кор. XII, 26). Страданіе насъ, земнотелъ, вызываетъ участіе къ намъ со стороны небожителей, особенно если мы обращаемся къ нимъ съ мольбами. И при жизни своей они отличались любовію къ своимъ братіямъ; а переселившись въ другой міръ, и вознесшись духомъ къ престолу благодати, они пламенѣютъ еще большею любовію къ намъ.

Во дни отцовъ—нашихъ руководителей,—выражали иныя недоумѣнія, какъ святые, уже умершіе и оставившіе живыхъ, могутъ помогать имъ и молиться за нихъ, и какъ они могутъ знать нужды наши. Въ отвѣтъ на это святые отцы изъясняли, что почившіе отцы не мертвы, но живы, и даже

болѣ живы, чѣмъ мы. Богъ, предъ которымъ предстоятъ они, *ижесть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Марк. XII, 27). Говорили, что они, пребывая въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, напримѣръ въ лонѣ Авраамовомъ, не могутъ обнаруживать своего присутствія при своихъ гробницахъ, или гдѣ захотятъ. Въ отвѣтъ такому совопроснику блаженный Іеронимъ говорилъ: „ты будешь полагать законы Богу; ты будешь налагать узы на апостоловъ, чтобы до дня суда находились въ заключеніи и не были съ своимъ Господомъ тѣ, о которыхъ написано: *послѣдуютъ Атицу, а може аще поидетъ* (Апок. XIV, 4)? Если Агнецъ вездѣ, то нужно думать, что и они, пребывающіе съ Агнцемъ, также вездѣ. И если діаволъ и демоны блуждаютъ по всему міру и съ чрезвычайною быстротою вездѣ появляются, неужели мученики, по пролитіи крови, могутъ быть заключены подъ крышкою гроба и не могутъ выйти оттуда“ ¹⁾? Свлекшись тѣлеснаго тѣла, отягощавшаго душу, они лучше и быстрѣ нашего постигаютъ предметы, подлежащіе ихъ вѣдѣнію, и яснѣ узнаютъ причины всего, происходящаго на землѣ. Разстояніе не помѣшаетъ имъ услышать вопль нашъ, и отозваться на него благодатнымъ дѣйствіемъ. А что имъ дарованы великія благодатныя силы къ оказанію благотвореній людямъ, обращающимся къ нимъ съ мольбами, и что пріемяются Богомъ ихъ ходатайства за насъ, это доказываютъ святые отцы самыми разнообразными и неисчислимыми чудотвореніями, несомнѣнно совершившимися и понынѣ продолжающимися совершаться, по молитвамъ къ нимъ вѣрующихъ, хотя и нельзя понять того (говорить одинъ изъ нихъ) ²⁾ сами ли они, по изволенію Божію, присутствуютъ тамъ, гдѣ обращаются къ нимъ съ молитвами, или же, по предствительству ихъ, въ семъ случаѣ присутствуетъ и дѣйствуетъ вездѣ.

¹⁾ Книга противъ Вигиліація Библ. западныхъ отцовъ церкви. Т. IV, стр. 299.

²⁾ Блаж. Августина о градѣ Божіемъ, кн. XXII, гл. 8.

еущій Богъ. Потому святые отцы съ полною вѣрою въ силу молитвъ праведниковъ оказывать намъ благодѣнія, обращались къ нимъ съ молитвами, подобными той, какую мы читаемъ въ похвальномъ словѣ св. Григорія нисскаго великомученику Ѳеодору Стратилату: „Ходатайствуй за отечество у общаго Царя и Господа. Намъ угрожаютъ величайшія опасности... Воинъ, сражайся за насъ; мученикъ, предстательствуй съ дерзновеніемъ за твоихъ соотечественниковъ. Хотя ты въ другомъ мѣрѣ, но всегда знаешь о напастяхъ и нуждахъ человѣческихъ. Испроси намъ миръ, чтобы не прекращались наши святые собранія... Молимъ тебя, услыши насъ и не лишай впредь твоего покровительства. Если нужно ходатайство еще болѣе сильное,—собери лики мучениковъ, твоихъ братій, и помолись со всѣми вмѣстѣ. Молитвы многихъ праведниковъ покроютъ грѣхи народовъ“.

Отъ мѣстъ отдаленныхъ перейдемъ мыслию къ странѣ, нами обитаемой, и отъ временъ давнихъ къ временамъ, близкимъ къ намъ. Въ нашей русской церкви между отшедшими отъ насъ отцами и братіями нашими много сильныхъ ходатаевъ и молитвенниковъ за насъ, подающихъ или ниспосылающихъ намъ дары благодати Божіей и простирающихъ надъ нами покровъ свой. Почти каждый городъ имѣетъ такого покровителя, который, пребывая между святыми небожителями, и удостоившись близости къ престолу Божію, не забываетъ родныхъ по плоти, и всегда готовъ послать или испросить имъ у Бога защиту и вспоможеніе. А въ иныя святые мѣста, каковы нашъ богоспасаемый Кіевъ. Москва и Свято-Троицкая Сергіева Лавра, гдѣ почіютъ особо прославленные праведники, удостоенные чрезвычайной силы чудотвореній, стекается народъ со всѣхъ концовъ Россіи, въ надеждѣ получить отъ нихъ потребное душѣ своей. И побывавъ у святаго, облобызавъ его драгоценные останки, съ вѣрою помолившись ему, многіе изъ народа получаютъ отъ него.—кто вразумленіе,

кто утѣшеніе, кто облегченіе скорби, кто исцѣленіе или облегченіе болѣзни Не перечисляя многихъ знаменій живаго благотворнаго воздѣйствія на насъ святыхъ небожителей, родственниковъ намъ по плоти, мы не можемъ не остановиться своимъ вниманіемъ на поразительныхъ явленіяхъ, которыми Господу угодно было порадовать насъ въ послѣдніе дни и во очію всѣхъ показать, что святые праведники помнятъ насъ, молятся за насъ, простираютъ къ намъ свою благодѣющую руку и испрашиваютъ намъ у Бога тѣ блага, въ какихъ мы нуждаемся. Вотъ новоявленный богоносный отецъ нашъ Серафимъ, семьдесятъ лѣтъ назадъ переселившійся изъ земли живыхъ, но доннѣ живущій съ нами и помогающій намъ бодѣе, чѣмъ сколько могутъ помочь сильные земли. По всей Россіи ходятъ дивныя сказанія о благотвореніяхъ и чудесахъ, какія изъ загробнаго міра расточаетъ прибѣгающимъ къ нему его исполненная любви и облагодѣствованная душа. Когда онъ еще несъ подвигъ жизни, устремленный всею душею къ горнему отечеству и пламенѣвшій любовью къ страдальцамъ земнымъ, онъ вѣрилъ и зналъ, что съ нимъ не умретъ его любовь къ своимъ приснымъ и твердо надѣялся и по смерти прибѣгать съ своею помощію къ тѣмъ, кого любилъ онъ, и кто будетъ съ мольбами призывать его имя. „Какъ меня не станетъ (говорилъ онъ дивѣвскимъ сиротамъ,—такъ онъ называлъ инокинъ дивѣвскаго монастыря), вы ко мнѣ на гробикъ приходите!.. Все, что есть у васъ на душѣ, что бы ни случилось съ вами, о чемъ бы ни скорбѣли, придите ко мнѣ, да все свое горе съ собой же и припосите на мой гробикъ. Припавъ къ землѣ, какъ живому, все и расскажите, и услышу я васъ; вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ! Какъ съ живымъ вы говорили, такъ и тутъ. Для васъ я живой есмь, буду и во вѣки“¹⁾. И живъ, живъ.

¹⁾ Душеполезное чтеніе, іюль 1903 г. стр 351. Препод. Серафимъ Саровскій чудотворецъ. Лавятскаго.

для насъ этотъ богодарованный нашъ печальникъ, теплый молитвенникъ и ходатай къ Богу за присныхъ своихъ, за всѣхъ страждущихъ и плачущихъ и за весь вѣрующій народъ, ему родственный. Сколько слезъ осушилъ онъ въ недавніе дни своего прославленія! Сколько даровалъ исцѣленій болящимъ! Сколько издилъ милостей на тѣхъ, которые искали его покровительства! Чрезъ него открылось такое обиліе милости Божіей, дарованной вѣрующимъ въ него и припадавшимъ къ нему, какое напоминаетъ первыя времена насажденія христіанства, ознаменованныя чрезвычайными дарами Духа,—полагаемъ, для возбужденія вѣры въ нашемъ невѣрующемъ и маловѣрующемъ обществѣ. И не въ эти только дни, но и раньше своего прославленія и, надѣмся, и послѣ сего онъ нашъ всегдашній помощникъ и заступникъ. Онъ прежде своею заботливою любовью окружалъ тѣхъ, кто къ нему обращался, и впредь будетъ проявлять эту любовь, живой во вѣки. Воззоветъ кто къ нему, съ благоговѣйною вѣрою назоветъ его имя, и онъ, незримый нами, является къ зовущему его со своею помощію. „70 лѣтъ назадъ (говоритъ одинъ почитатель его) схороненный въ могилѣ у Успенскаго собора Саровской пустыни (изъ которой недавно изнесены для поклоненія его останки), онъ душею своею ходитъ по всему пространству русской земли, неся всюду дары любви своей. Онъ входитъ въ крестьянскія избы, и въ городскіе дома, и въ бѣдныя лачуги и во дворцы царскіе, неся повсюду съ собою благословеніе, утѣшеніе, разрѣшеніе горя и бѣдствія... То видятъ его во снѣ, какъ онъ молится у изголовья больныхъ, то, стоя у ихъ постели на колѣняхъ, кормить ихъ заботливо какимъ-то врачевствомъ. Вотъ онъ въ бѣломъ балахонѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди, является ночью къ барынѣ, задыхающейся отъ парыва въ горлѣ, благословляя съ произношеніемъ короткихъ словъ: *простая и добросердечная*, исцѣляетъ ее. Вотъ воры хотятъ поломать лавку одного почитателя отца Серафима, но, взломавъ запоры, бѣгутъ; по-

тому что старецъ, принявъ видъ караульщика, начинаетъ мести около лавки, и тогда же ночью говоритъ объ этомъ во снѣ матери хозяина ¹⁾).

Видимыя знаменія благодѣющей любви къ намъ со стороны прославленныхъ святыхъ для всѣхъ должны служить разительнымъ свидѣтельствомъ того, что отошедшіе отъ насъ отцы и братія въ загробный міръ, не мертвы, но живутъ тамъ особою жизнію, знаютъ наши нужды и исполнены желаній всякаго блага живущимъ на землѣ. Не всѣмъ дарована благодатная сила чудотвореній, не всѣ имѣютъ великое дерзновеніе испрашивать намъ милости у Бога. Но всѣ съ заботливымъ участіемъ слѣдятъ за нами, даже подвергающіеся осужденію за свою грѣховную жизнь, какъ показываетъ примѣръ евангельскаго богача, желающаго изъ ада подать помощь и вразумленіе своимъ братьямъ.

Если отошедшіе отъ насъ отцы и братія и въ загробномъ мірѣ исполнены желаніемъ намъ блага, и списавшіе дерзновеніе у Господа испрашиваютъ у него и ниспосылаютъ намъ благодатную помощь, то и отъ насъ они желаютъ и чаютъ, чтобы мы не прерывали своего общенія съ ними, по разлученіи ихъ съ нами, и проявляли свою любовь къ нимъ. Эту любовь, по отношенію къ прославленнымъ святымъ, мы заявляемъ чествованіемъ ихъ и теплыми молитвами, къ нимъ обращаемыми. Но въ безчисленномъ сонмѣ усопшихъ,—святыхъ, удостоенныхъ прославленія отъ Господа сравнительно малое число. Чѣмъ же мы можемъ заявить свою любовь къ умершимъ отцамъ и братіямъ своимъ, хотя скончавшимся въ надеждѣ вокресенія, но не ознаменовавшимъ своего жизненнаго пути особыми подвигами добродѣтели? Мы ставимъ надъ ихъ могилами, по своимъ средствамъ, болѣе или менѣе роскошные памятники, возлагаемъ

¹⁾ Душенолезное чтеніе, 1903 г. май На земномъ небѣ. Поселянина.

на гробы ихъ вѣнки, и цвѣтами украшаемъ мѣста, гдѣ по-
койтся прахъ ихъ. Изъ добрыхъ, похвальныхъ побужденій
возникаетъ такое чествованіе почившихъ. Но такимъ чество-
ваніемъ мы удовлетворяемъ своему личному чувству, а
входимъ ли мы чрезъ него въ живое общеніе съ тѣми,
кому ставимъ памятники, и кого украшаемъ вѣнками? По-
лучаютъ ли они отъ него отраду и утѣшеніе? Нашъ міръ
матеріальный они оставили, и для ихъ души, вышедшей изъ
тѣла, совершенно неощутительны наши мірскія внѣшнія вы-
раженія любви и почтенія къ нимъ. Душѣ нужны и доступны
только духовныя утѣшенія. Эти утѣшенія мы можемъ достав-
лять имъ, вознося за нихъ молитвы къ Богу; молитвами за
нихъ мы только поддерживаемъ общеніе съ ними, при невоз-
можности тѣлеснаго соприкосновенія съ ними. И если чего
желаютъ они отъ насъ, то первѣе и болѣе всего того, чтобы
мы не забывали просить милости для нихъ у праведнаго и
всещедраго Судіи и Мздовоздателя. Въ сказаніяхъ о святыхъ
дано намъ не мало указаній на то, что наши молитвы за
усопшихъ доставляютъ имъ много отрады и утѣшенія, и при-
влекаютъ на нихъ милостивое око Отца небеснаго. Такъ въ
житіи св. Макарія египетскаго, мы встрѣчаемъ такой раз-
сказъ. Разъ, проходя по пустынѣ онъ увидѣлъ человѣческій
черепъ и спросилъ его о загробномъ состояніи умершихъ.
„Неужели вы никогда не чувствуете никакого утѣшенія?“
спросилъ Макарій. Сухой черепъ, по изволенію Божію, от-
вѣчалъ пренеподобному молитвеннику. „Нѣтъ, когда ты мо-
лишься за мертвыхъ, то мы чувствуемъ нѣкое утѣшеніе“.
Черепъ принадлежалъ языческому жрецу. Если и языческій
жрецъ чувствовалъ отрадное дѣйствіе молитвы, возносимой
за умершихъ, то не тѣмъ ли болѣе сладость молитвъ нашихъ
будетъ чувствительна для умершихъ въ вѣрѣ въ Искупителя
и надеждѣ на будущую жизнь?—У св. Григорія Двоеслова раз-
сказывается такой случай. Въ моемъ монастырѣ (говоритъ
святой отецъ) было правило, чтобы никго изъ братій не лѣлѣлъ

никакой собственности. Въ монастырѣ все было общее. Одинъ изъ братій, именемъ Іустъ, захворалъ и, приближаясь къ смерти, объявилъ родному брату, при немъ находившемуся, что у него есть три золотыя монеты. Когда это извѣстіе дошло до меня, я, чтобы предохранить другихъ отъ нарушенія правилъ въ монастырѣ, отдалъ такое распоряженіе: не допускать къ больному никого изъ братій, какъ къ отлученному, и когда умереть, то зарыть его въ особомъ мѣстѣ и вмѣстѣ съ нимъ бросить и три золотыя монеты. Когда онъ померъ, его похоронили такъ, какъ я велѣлъ. Прошло тридцать дней отъ смерти Іуста, мнѣ стало жаль его, и я далъ приказаніе въ слѣдующіе тридцать дней ежедневно совершать заукоупную литургію по умершемъ братѣ. Прошло тридцать дней, какъ ночью является Іустъ своему родному брату. Изумленный братъ спрашиваетъ явившагося: „что братъ, какво тебѣ?“ Явившійся отвѣчалъ: „доселѣ мнѣ было худо, но теперь хорошо: ибо я вступилъ нынѣ въ общеніе“. Такія свидѣтельства святыхъ мужей должны служить для насъ удостовѣреніемъ въ благотворности молитвъ за усопшихъ. Съ нашей стороны молитвы за усопшихъ—лучшая дань любви къ нимъ и самое дѣйствительное средство къ поддержанію духовнаго общенія съ ними. И если вы скорбите объ оставившихъ васъ и перешедшихъ въ другой міръ любезныхъ вашему сердцу и жалѣете ихъ,—молитесь за нихъ, призывайте церковь и ея служителей возносить за нихъ безкровную жертву Богу. Этимъ вы доставляете имъ усладу и утѣшеніе и болѣе содѣйствуете облегченію ихъ состоянія, чѣмъ сколько облегчали ихъ положеніе своимъ уходомъ за ними во время ихъ болѣзни. Ждутъ отъ насъ такой помощи наши, любезные намъ, отцы и братія, и мы можемъ думать, что они, съ своей стороны, воздають намъ за наше молитвенное участіе къ нимъ своими молитвами къ Богу о дарованіи намъ всяческихъ благъ.

Гдѣ пребываютъ по смерти души отшедшихъ отъ насъ отцовъ и братій нашихъ? Въ священномъ Писаніи мѣстопробываніе душъ усопшихъ называется то раемъ (Лук. XXIII, 43), то царствіемъ небеснымъ или царствіемъ Божиимъ (Матѣ. V, 3—10, VIII, 11. Лук. XIII, 28—29. 1 Кор. XV, 50), называется еще и домомъ Отца небеснаго (Іоан. XIV, 2). Названія мѣста обитанія душъ отшедшихъ отцовъ нашихъ не даютъ опредѣленнаго указанія касательно его. Они только отвлекаютъ нашу мысль отъ чувственныхъ представленій этого мѣста, заимствованныхъ отъ явленій земнаго пространственнаго обитанія. Мы допустили бы произвольныя догадки, если бы хотѣли географически описать мѣсто жилища усопшихъ, и искать его въ воздушныхъ или планетныхъ пространствахъ. Царство небесное, куда переселяются усопшіе, потому и называется небеснымъ, что нѣтъ видимаго вмѣстителя его на землѣ; то совершенно другой міръ, отличный отъ нашего. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что намъ гораздо полезнѣе и необходимѣе знать, что есть рай, нежели знать, гдѣ это мѣсто находится. „Ты спрашиваешь, въ какомъ мѣстѣ будетъ рай? Полагаю, что внѣ сего міра. Ставемъ искать не того, гдѣ онъ находится, а средствъ пріобрѣсти его“.

Впрочемъ, святой отецъ не воспрещаетъ полезныхъ размышленій и изысканій о раѣ, которые могли бы приводить насъ къ страху Божію и уклонять отъ зла, и мы не погрѣшимъ, если, руководствуясь Писаніемъ, укажемъ нѣсколько чертъ, служащихъ къ уясненію нашей мысли объ обиталищѣ праведныхъ душъ. Это обиталище апостолъ называетъ градомъ живаго Бога, небеснымъ Іерусалимомъ: тамъ тмы ангеловъ, тамъ духи первородныхъ, достигшихъ нравственнаго совершенства, тамъ Ходатай новаго завѣта Господь Іисусъ Христосъ и Судія всѣхъ Богъ (Евр. XII, 22—23). И вотъ въ общеніе съ ангелами, въ общеніе со святыми, благоугодившими Богу, вступаетъ душа, очищенная покаяніемъ, и имъ

свѣтитъ, и ихъ услаждаетъ вѣющая на нихъ благодать Господа, взирающаго на нихъ окомъ своего благоволенія. Представляя это, апостолъ желалъ отъйти отъ тѣла, чтобы водвориться у Господа (2 Кор. V, 8 Фил. 1, 23).

Въ дому Отца моего (говоритъ Господь) обители многи суть (Іоан. XIV, 2). Намъ не дано знать, гдѣ и какія это обители. Но мы должны думать, что всѣ эти обители, уготованныя для душъ, спасенныхъ и искупленныхъ смертію Сына Божія, озаряются свѣтомъ, идущимъ отъ Бога, Источника свѣта, жизни и блаженства, и въ каждой изъ нихъ чувствуется присутствіе Господа Спасителя, дающаго жизнь и радость обитающимъ въ нихъ. Господь обѣтовалъ вѣрующимъ въ Него взять ихъ къ себѣ, *да идѣже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. XIV, 2—3), и въ своей первосвященнической молитвѣ Онъ просилъ Отца небеснаго, *да идѣже есмь Азъ, и тѣи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою* (Іоан. XVII, 24). Будетъ въ обителяхъ святыхъ не одинаковое обиліе свѣта и духовной радости, соотвѣтственно нравственному достоинству лицъ, удостоившихся благоволенія Божія. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ: Господь наименовалъ многія обители не по разности мѣста, но по степени дарованія¹⁾. А св. Григорій Богословъ утверждаетъ, что къ той или иной изъ сихъ обителей, раздѣляемыхъ и назначаемыхъ каждому по его достоинству, приводитъ тотъ или иной родъ христіанскихъ добродѣтелей²⁾. Есть обители апостоловъ, потрудившихся надъ приведеніемъ ко Христу невѣдущихъ Его, есть обители мучениковъ, исповѣдниковъ, дѣвственниковъ, дѣвственницъ, подвижниковъ и подвижницъ, милостивыхъ, кроткихъ и смиренныхъ и т. д.

Но души нечестивыхъ не могутъ проникнуть въ градъ Бога живаго, и найти тамъ обиталище себѣ, не могутъ онѣ и прини-

¹⁾ О блаж. обителяхъ. Твор. Ефр. Сирина, т. III, стр. 296.

²⁾ Св. Григорій Бог. слово о любви къ бѣднымъ. Твор. св. отцовъ, т. II, стр. 5.

мать участія въ согласномъ хорѣ хвалы Всевышнему, возносимой сонмомъ праведниковъ. Онѣ желали бы приблизиться къ престолу Божію, но, омраченныя грѣхомъ, онѣ не могутъ выносить того свѣта, который здѣсь сіяетъ, и опаляемая его силою, онѣ поневолѣ должны быть вдали отъ него. Между обитаніемъ ихъ и обитаніемъ святыхъ, по слову Господа, *пропасть велика утвердися*, такъ что хотящіе перейти изъ одного обиталища въ другое не могутъ этого сдѣлать (Лук. XVI, 26). Онѣ, впрочемъ, издавеча видятъ святыхъ обители святыхъ, какъ видѣлъ лоно Авраамово евангельскій богачъ, и слышатъ ихъ радостныя ликованія, но это видѣніе ликованій святыхъ увеличиваетъ то томленіе, въ которомъ онѣ пребываютъ въ ожиданіи суда надъ собою.

Мѣсто, гдѣ обитаютъ души нечестивыхъ, называется въ Писаніи адомъ (Лук. XVI, 23), и геенною огненною (Мѣ. V, 22, 29), тьмою кромѣшною, преисподнею (Мѣ. VIII, 12. XXII, 13. XXIX, 30). Названія эти указываютъ не столько на опредѣленное мѣсто, сколько на тѣ тягости и мученія, какія должны выносить низверженные въ эти мрачныя обиталища. И было бы напрасною попыткою искать опредѣленнаго мѣстонахожденія ада или жилища нечестивыхъ духовъ. По мнѣнію св. Іоанна Златоуста, оно будетъ гдѣ-нибудь внѣ этого міра; какъ царскія темницы и рудокопни бывають вдали, такъ и геенна будетъ гдѣ-нибудь внѣ этой вселенной¹⁾. Одно дается намъ указаніе въ этомъ случаѣ: какъ рай отождествляется съ царствомъ небеснымъ, и при представленіи рая наша мысль возносится къ небу, къ тѣмъ высотамъ, близъ которыхъ престолъ Божій, такъ при словѣ адъ намъ представляется преисподняя, и дно адово помѣщается во внутреннихъ глубинахъ земли. Въ рай душа возносится, а въ адъ она низвергается.

У одного святаго отца.—Ипполита, епископа римскаго III вѣка, мы встрѣчаемъ описаніе ада и вообще мѣста пре-

¹⁾ Бесѣда 31 на посланіе къ Римлянамъ, п. 16.

быванія отшедшихъ душъ. Это описаніе не имѣтъ несомнѣнной достовѣрности, но имя святаго отца придаетъ интересъ этому описанію, и мы считаемъ не излишнимъ представить вамъ, какъ изображали это мѣстопребываніе древніе писатели христіанскіе. Адъ, по представленію Ипполита, неустроенное подземное мѣсто, въ которомъ не свѣтитъ свѣтъ міра. Въ адѣ Ипполитъ видитъ три отдѣленія. Одно отдѣленіе-озеро неугасимаго огня, въ которое донинѣ никто не ввержень: оно приготовлено до опредѣленнаго Богомъ дня, когда изречется на послѣднемъ судѣ приговоръ, который однимъ назначитъ муку вѣчную, а другимъ вѣчное блаженство. Кромѣ этого огненнаго отдѣленія, въ аду есть еще два особыя отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ содержатся нынѣ праведные, а въ другомъ грѣшныя. Входъ или впускъ въ страну ада одинъ; при вратахъ его поставленъ архангелъ съ воинствомъ. Вступающіе въ эти врата берутся ангелами, приставленными къ душамъ, и ведутся не однимъ и тѣмъ же путемъ. Праведные идутъ въ правую сторону, въ предшествіи путеводителей, освѣщающихъ путь ихъ, при гимнахъ ангеловъ, ихъ окружающихъ, и приводятся, наконецъ, въ свѣтлое мѣсто. Это мѣсто Ипполитъ называетъ лономъ Авраамовымъ, гдѣ живутъ праведные, наслаждаясь созерцаніемъ благъ, тамъ видимыхъ, ободряя и утѣшая себя надеждою на новыя блага, гораздо большія и лучшія видимыхъ тамъ. Тамъ нѣтъ ни зноя, ни холода; не испытываютъ они тамъ никакого изнуренія, и всегда радостно лице праведныхъ, ожидающихъ покоя и вѣчной жизни на небѣ. А неправедныхъ ангелы мучители влекутъ нагѣво, и не свободно идутъ они, а ихъ насильно тащутъ, какъ узниковъ. Сопровождающіе ихъ ангелы осыпаютъ ихъ поношеніями и укоризнами, и страшными угрожающими взорами приводятъ ихъ въ трепетъ и потомъ толкаютъ внизъ и тащатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не ввергнуть въ мѣсто, лежащее подлѣ самой геенны. Пребывая въблизи геенны, души непрестанно слышатъ клочотанье геенскаго огня и страдаютъ отъ знойнаго чада, идущаго изъ геенны.

Видя страшное зрѣлище бушующаго огня, онѣ ужасаются и трепещутъ, ожидая будущаго суда. Не видятъ онѣ тамъ ни лика отцовъ, ни праведныхъ, и это создаетъ имъ новое мученіе. Ибо посрединѣ распростерта глубокая и великая пропасть, такъ что никто изъ праведныхъ не можетъ придти къ нимъ, хотя бы влекло его сюда чувство состраданія¹⁾.

Вотъ какія благочестивыя гаданія мы встрѣчаемъ у отцовъ, снѣлымъ полетомъ мысли уносившихся въ сокровенную отъ насъ область. Они принадлежатъ къ разряду частныхъ мнѣній, какими древніе отцы старались опредѣлить неопредѣленное и освѣтить темное.

Увидимся ли мы на томъ свѣтѣ, узнаемъ-ли другъ друга? Слова Писанія и сужденія святыхъ отцовъ даютъ намъ основаніе для надежды на это. Господь, въ послѣдней прощальной бесѣдѣ съ учениками, говоритъ имъ: *наки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. XVI, 22). Апостолы, по слову Господа, увидятъ Его по смерти, и это видѣніе исполнитъ ихъ великою радостію, и никто и ничто не умалитъ и не отниметъ отъ нихъ этой радости. Обѣтованіе, обращенное къ апостоламъ, можетъ быть отнесено и ко всѣмъ, вѣрующимъ во имя Господне. И у нихъ отверсты будутъ духовныя очи, и они будутъ видѣть тѣхъ, съ кѣмъ связаны были болѣе или менѣе тѣсными узами, и къ кому, во время земной жизни, пламенѣла любовію и обращалась въ молитвѣ душа ихъ. Будетъ общеніе душъ, и общеніе болѣе широкое, чѣмъ нынѣ, потому что этому общенію не будутъ препятствовать нынѣшнія разстоянія и преграды, которыми затрудняется наше нынѣшнее сближеніе другъ съ другомъ. Если даже не въ однихъ обителяхъ мы будемъ, по отшествіи въ другой міръ,—это не помѣшаетъ тому, чтобы мы увидѣли тѣхъ, кого желали бы видѣть. Евангельскій богачъ, на-

¹⁾ Patrologiae curs. compl. T. X, col. 795—799.

ходясь въ аду, увидѣлъ Лазаря, бывшаго въ недоступномъ для него лонѣ Авраамовомъ.

На основаніи обѣтованія Господа святые отцы съ полною вѣрою говорятъ о томъ, что по смерти мы будемъ видѣться съ близкими намъ. „Не видѣвшіе здѣсь другъ друга (говоритъ св. Ефремъ Сиринъ)¹⁾ увидятся тамъ,—мать узнаетъ, что это ея сынъ, и сынъ узнаетъ, что это его мать“. „Мы здѣсь находимся временно (говоритъ другой святой отецъ,—священномученикъ Кипріанъ). Будемъ благословлять день, который каждого изъ насъ приводитъ къ собственному его жилищу, который, восхитивъ насъ отъ земли и разрѣшивъ отъ мірскихъ узъ, возвращаетъ насъ въ рай и въ царство небесное. Кто, находясь въ чужой сторонѣ, не спѣшилъ бы въ отечество? Кто, поспѣвая на корабль къ своимъ, не желалъ бы пламенно попутнаго вѣтра, чтобы скорѣе можно было обнять своихъ друзей? Насъ ожидаютъ тамъ великое множество любезныхъ намъ,—ждетъ многочисленный сонмъ родителей, братьевъ, дѣтей, кои, не страпась уже за свою безопасность, заботятся еще о нашемъ спасеніи. Увидѣть ихъ,—обнять ихъ—о, какая это радость для нихъ и вмѣстѣ для насъ! Какое тамъ веселіе въ царствѣ небесномъ, гдѣ нѣтъ уже страха смерти, какое высочайшее и всегдашнее блаженство при вѣчной жизни! Тамъ славный ликъ апостоловъ; тамъ сонмы радующихся пророковъ; тамъ безчисленное множество мучениковъ, увѣнчанныхъ за побѣду въ борьбѣ и страданія; тамъ торжествующія дѣвы, силою воздержанія побѣдившія вождельніи плоти; тамъ воспримутъ награду благодѣатели... Къ нимъ поспѣшимъ съ неудержимою любовію, съ пламеннымъ желаніемъ быть скорѣе съ ними, скорѣе придти ко Христу“²⁾.

Сохранятся ли полы, мужскій и женскій, въ загробной жизни? Въ священномъ Писаніи есть мѣста, которыя даютъ

¹⁾ О страхѣ Божіемъ и о послѣднемъ судѣ.

²⁾ Творенія св. священномученика Кипріана, т. II. Книга о смертности, стр. 255.

поводъ инымъ высказывать мнѣніе, что по смерти уничтожится различіе половъ между людьми. Одно мѣсто читается у апостола, который говоритъ, что *въ Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ и женскій, но вси едино суть* (Гал. III, 28). Къ этому прибавляютъ еще слово Господа, сказавшаго нѣкогда, что *въ воскресеніи, то есть въ будущемъ вѣкѣ, ни женятся, ни посягаютъ; равни бо суть ангеломъ и сынове сунъ Божіи* (Лук XX, 35—36). Но слово апостола не имѣетъ отношенія къ загробной жизни; оно показываетъ только, что предъ Богомъ всѣ равны, и что кто крестился во Христа, тотъ, кто бы онъ ни былъ, одинаково воспользуется благодатію, имъ дарованною, и въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между мужчинами и женщинами, какъ и между рабами и свободными, іудеями и еллинами. А слово Господа указываетъ только на то, что въ будущемъ вѣкѣ между мужчинами и женщинами не будетъ такихъ отношеній, какія существуютъ нынѣ, по условіямъ земной жизни, но оно не говоритъ, что тогда не будетъ ни мужчинъ, ни женщинъ. Для нашего вопроса гораздо важнѣе и ближе другое слово Господа, который на вопросъ: позволительно ли по всякой винѣ разводиться съ своей женою? отвѣчалъ: *нѣсте ли чли, яко сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть* (Матѣ. XIX, 4)? Сотворенное изначала Богомъ не можетъ уничтожиться. Мужъ и жена, при началѣ бытія міра, воззваны Творцомъ къ жизни не для временнаго только совмѣстительства, а для постояннаго и неизмѣннаго украшенія богозданнаго міра, чему должно служить и служить разнообразіе тварей, населяющихъ міръ. Мы только не должны представлять отношеній между лицами обоихъ половъ, на подобіе нынѣшнихъ отношеній. Все тѣлесное, нынѣ часто нечистое, исчезнетъ, и останется одно духовное взаимообщеніе. Если душа, по разлученіи съ тѣломъ, сохранить свою самостоятельность, свои личныя качества и будетъ имѣть опредѣленный видъ, основаніе которому поло-

жено было земною дѣятельностію, то не могутъ сгладиться различія, отличающія одинъ полъ отъ другого. Только эти различія будутъ духовнаго свойства, какъ и не можетъ быть иначе, когда тѣло ястлѣетъ въ могилѣ. Да и въ здѣшней жизни не одна тѣлесная организація служить основаніемъ различенія пола мужескаго и женскаго. Въ душевномъ складѣ мужчины и женщины, при общемъ родовомъ сходствѣ, много видовыхъ отличій: если у мужчинъ, напр., преобладаетъ умственная сила, то у женщины, напротивъ, сердечная; у мужчинъ болѣе проявляется дѣятельная сторона, у женщины болѣе воспринимающая; у перваго болѣе твердый, иногда жесткій характеръ, а у второй болѣе мягкій и нѣжный. При общемъ сходствѣ каждая особь имѣетъ въ душѣ нѣчто свое, ей только принадлежащее, и отличается отъ другихъ особей. Есть различные чины ангеловъ, и въ безчисленномъ сонмѣ ихъ каждый имѣетъ и сохраняетъ свою особную личность. И въ загробномъ мірѣ будутъ различные чины людей. Между сонмами праведниковъ будутъ сонмы праведницъ, тамъ мученики и мученицы; тамъ апостолы и равноапостольныя жены; тамъ преподобные иноки и преподобныя инокини, тамъ святители и жены мученицы, и за ними другія жены, послужившія дѣлу Господню на землѣ, и во главѣ женъ будетъ Пресвятая Матерь Божія. Но она, а за нею и всѣ другія, идущія во слѣдъ ея, не сольются съ сонмомъ мужей, но сохранятъ свою женственную природу, имъ отъ Бога данную. Муже и жены, по слову апостола Петра, одинаково сонаслѣдницы благодатной жизни (1 Петра III, 7),—жены святыхъ, вмѣстѣ съ мужами, предостоятъ престолу Божію и возносятъ Богу моленія, хвалы и благодаренія. У св. Григорія Великаго описывается смерть нѣкоей благочестивой Ромулы, проводившей жизнь пустынно-ческую, и онъ говоритъ при этомъ, что въ часъ смерти ея предъ дверями келліи явилось два хора ангеловъ, и какъ увѣряли ее ученицы, онѣ различали помы по голосамъ: мужчины на-

чинали пѣть, а женщины имъ вторили¹⁾. „Тогда (говорить блаж. Августинъ) изгнано будетъ изъ плоти все нечистое, а сама природа ея сохранится. Полъ женщины вовсе не есть недостатокъ, но природа, которая тогда, конечно, не будетъ ни зачинать, ни рождать, но будетъ продолжать существовать въ женской организаціи для новаго украшенія, и никогда она не будетъ возбуждать похоти того, кто будетъ созерцать ее, а, напротивъ, она послужитъ новою причиною прославлять мудрость и благодѣи Бога, который нѣкогда сотворилъ то, чего не было, и избавилъ отъ тлѣнія то, что сотворилъ. Кто такимъ образомъ сотворилъ оба пола, тотъ и сохранитъ ихъ“.

Что мы должны думать о душахъ младенцевъ, скончавшихся до раскрытія полнаго самосознанія, а иногда умирающихъ въ день своего рожденія? Ужели и у нихъ будетъ сознательная жизнь по смерти? Отъ чего же и не такъ! Душа, разъ воззванная къ жизни силою Божіею, уже не можетъ потерять ее, не можетъ потерять то, что дано ей Богомъ. Мало жили и заявили себя въ этомъ мірѣ младенцы, умершіе на зарѣ своей жизни, но предъ Богомъ и часъ одинъ, какъ сотня лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ день одинъ. Душу дитяти можно сравнить съ зерномъ, обладающимъ жизненною силою. Зерно, посаженное на одномъ мѣстѣ и потомъ перемѣщенное на другое, не пропадаетъ, но въ новомъ мѣстѣ даетъ отпрыскъ, соответственно своей природѣ, и развивается въ цѣльный организмъ. Такъ точно и душа. У дитяти она не могла проявить себя во внѣшнемъ мірѣ, при маломъ развитіи органовъ сношенія съ міромъ. Но внутренняя жизнь души дитяти, начавшаяся здѣсь, будетъ продолжаться и развиваться по смерти тѣла,—будетъ развиваться, не возмущаемая соблазнами міра и похотями плоти, и пойдетъ именно тѣмъ прямымъ путемъ, какой предваписанъ человѣку исперва, и какой ведетъ къ Богу и въ царство не-

¹⁾ Григорія Двоеслова бес. на Евангеліе 40, п. 11. Пер. арх Климента, кн. 2, стр. 331—4.

бесное. Память ея не будетъ отягчена представлѣніемъ тревоженій и паденій, нами испытываемыхъ, но тѣмъ чище будетъ ея внутреннее состояніе, и тѣмъ безпрепятственнѣе восхожденіе къ высшему совершенству. Премудрый представляетъ дѣломъ любви Божіей преждевременное восхищеніе, изъ среды живыхъ, людей, благоугодныхъ Богу. Благость и премудрость Божія потому преждеременно беретъ иныхъ изъ среды живыхъ, чтобы *злоба не измѣнила разума ихъ, или коварство не прельстило души ихъ* (Прем. Сол. IV, 11). И Господь дѣтямъ усволяетъ особое право на наслѣдіе благъ небесныхъ и на участіе въ царствіи Божіемъ. *Таковыхъ* (указывая на дѣтей, говоритъ Оп.) *есть царствіе Божіе* (Лук. VIII, 16. Матѹ. XIX, 14). (Матѹ. XVIII, 3). Само собою разумѣется, что если дѣти, по словамъ Господа, являются преимущественными-наслѣдниками царства небеснаго, то они будутъ въ немъ жить полною сознательною жизнію. Согласно съ этимъ учатъ и святые отцы. По ученію ихъ, степень блаженства младенцевъ прекраснѣе, нежели дѣвственниковъ и святыхъ: они чада Божіи, питомцы Святаго Духа. Св. Іоаннъ Златоустъ въ уста младенцевъ, вкусившихъ смерть при самомъ началѣ бытія своего, влагаетъ такую рѣчь къ оплакивающимъ ихъ родителямъ: „не плачьте: исходъ нашъ и прохожденіе воздушныхъ мытарствъ, въ сопровожденіи ангеловъ, было безпечально. Діаволы пичего въ насъ не нашли, и милостію Владыки нашего Бога мы находимся тамъ, гдѣ пребываютъ ангелы и всѣ святые, и молимся о васъ Богу“. „О мнѣ не рыдайте (возглашаетъ церковь отъ лица младенца въ чинѣ его погребенія): нѣсмь бо плачевнѣй; младенцемъ бо опредѣлился праведныхъ всѣхъ радость“.

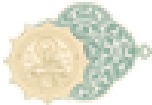
Эти соображенія, основанныя на словахъ Писанія и святыхъ отцовъ, мы считаемъ не излишнимъ дополнить сужденіями людей, стоящихъ на другой рационалистической точкѣ зрѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ, обсуждая законы жизни человѣческой, утверждаютъ, что душа младенца, не успѣвшая здѣсь

заявить себя, будетъ развиваться и жить сознательною жизнью въ потустороннемъ, загробномъ мірѣ. Упомянутый нами раньше Сабатье такъ рассуждаетъ по этому вопросу: „Душа ребенка (говоритъ онъ) представляетъ изъ себя группу еще не полную, аккумуляцію психической силы еще слабую, степень организации и связи еще не совершенную, по внутренній принципъ эволюціи, прогрессивное стремленіе. а слѣдовательно безсознательное эволютивное направленіе не только не бездѣтельны, напротивъ, чрезвычайно сильны. Душа ребенка обладаетъ громадною сознательною способностію, которая дастъ ей возможность образовать для своихъ составныхъ частей довольно крѣпкую связь. Здѣсь дѣйствительная сила производитъ до нѣкоторой степени скачекъ. Это домъ, построенный изъ свѣжаго и здороваго матеріала, но скрѣпленный цементомъ, который только что начинаетъ твердѣть... Нѣтъ ничего невозможнаго считать душу ребенка, достигшую извѣстной степени прочности, зародышемъ, способнымъ вступить въ загробную жизнь для того, чтобы завершить свое развитіе тамъ, въ новыхъ и болѣе благопріятныхъ условіяхъ; здѣсь совокупность психическихъ силъ души ребенка перерабатывается и формируется въ той же средѣ, что и совокупность психическихъ силъ взрослого человѣка... Душа ребенка есть натянутая пружина, упругость которой быстро растетъ. Душа ребенка — метательный снарядъ, быстро пролетающій начальную часть своей траекторіи. Если на его пути и встрѣтится какое-либо препятствіе, то въ немъ всегда найдется достаточный запасъ силы для рикошета и для того, чтобы сообщить ему новый полетъ въ другой области пространства ¹⁾“.

Какимъ языкомъ говорить, или какъ сообщаются между собою души, отшедшія отъ насъ въ загробный міръ? Средства

¹⁾ Сабатье. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма, пер. Обреимова, стр. 152—153.

сообщенія между душами въ загробномъ мірѣ будутъ не такія, какими мы нынѣ пользуемся. У нихъ нѣтъ нашихъ тѣлесныхъ органовъ, при посредствѣ которыхъ мы произносимъ слова и ведемъ разговоръ. Нашъ нынѣшній языкъ, наши членораздѣльные звуки и слова, въ которыя мы облачаемъ свои мысли и желанія, и чрезъ которыя дѣлаемъ ихъ понятными и удобопріемлемыми для другихъ, служатъ намъ, пока мы пребываемъ въ тѣлѣ. Тамъ въ загробномъ мірѣ, будетъ другой языкъ, о которомъ мы не можемъ составить какого-либо яснаго представленія. Когда апостолъ Павелъ восхищенъ былъ въ рай, онъ слыпалъ тамъ *неизреченные глаголы, ихже не льтъ есть человеку глаголати* (2 Кор. XII, 4), которые не доступны человѣку въ его настоящемъ состояніи. Другой разъ онъ упоминаетъ о языкахъ ангельскихъ и отличаетъ ихъ отъ языковъ человѣческихъ (1 Кор. XIII, 1). Въ высшемъ ангельскомъ мірѣ, по свидѣтельству апостола Павла, существуютъ свои средства выраженія помысловъ и желаній, предъ которыми являются слабыми и несовершенными употребляемыя нами средства сообщенія. Ангелы возносятъ хвалы Богу и ангелы велимъ гласомъ воспѣваютъ славу и премудрость, силу и крѣпость Вседержителя (Апок. VII, 11—12), и они входятъ въ живое взаимообщеніе между собою. И нашей духовной природѣ, по отдѣленіи ея отъ тѣла, будутъ дарованы новыя духовныя средства сообщенія и выраженія внутреннихъ помышленій и желаній, болѣе совершенныя, чѣмъ тѣ, какими мы нынѣ пользуемся, или она сама выработаетъ ихъ, при пособіи присущихъ ей силъ, полученныхъ ею отъ Творца. Мы видимъ въ мірѣ, насъ, окружающемъ: низшія насъ существа, птицы или животныя четвероногія, не владѣютъ такимъ средствомъ сообщенія, какимъ служитъ нашъ языкъ, пользующійся членораздѣльными звуками и обладающій неисчерпаемымъ обиліемъ словъ; но они не лишены способности передавать однороднымъ существамъ то, что просится у нихъ наружу: они зовутъ одни другихъ, они

выражаютъ звуками свое удовольствіе, пріязнь или свой гнѣвъ, и эти выраженія ихъ внутренней жизни понятны для нихъ и достаточны для поддержанія жизненнаго взаимообщенія между ними. Этотъ языкъ животныхъ, въ общемъ понятный и для насъ, не можетъ быть сравниваемъ, по своему совершенству, съ нашимъ разумнымъ языкомъ, въ которомъ находятъ свое облаченіе не только наши простыя желанія, но самыя возвышенныя мысли и чувства. Чѣмъ выше наша природа въ сравненіи съ природою животныхъ, тѣмъ выше и совершеннѣе языкъ нашъ. Но не будетъ ли подобной разницы между нашимъ нынѣшнимъ языкомъ и тѣмъ языкомъ, какимъ будутъ пользоваться чисто духовныя существа? Можетъ быть, тѣ неизреченныя глаголы, какими будутъ сообщаться между собою и выражать свое внутреннее содержаніе наслѣдники духовнаго міра, будутъ настолько же совершеннѣе нашего нынѣшняго языка, насколько нашъ членораздѣльный языкъ совершеннѣе языка животныхъ и птицъ. Они полнѣе могутъ выражать внутреннее содержаніе души, и передача этого содержанія ея не будетъ ограничиваться такими тѣсными предѣлами пространства, какими нынѣ ограничиваются звуки словъ, нами произносимыхъ.

Большой интересъ для вѣрующей души представляютъ сказанія отцовъ, подробно изображающія переходъ души изъ здѣшняго міра въ другой міръ, и начальные моменты новаго бытія ея, по разлученіи отъ тѣла, и хотя бесѣда моя затягивается, вы позволите мнѣ передать вамъ вкраткѣ эти сказанія и сужденія, на нихъ основанныя.

Минута смерти,—минута страшная, поражающая душу. Святому Макарію александрійскому повѣдали явившіеся ему ангелы, что душа, какъ благочестиваго, такъ и благочестиваго человѣка, приходитъ при смерти въ испугъ. Она слышитъ и понимаетъ слезы и рыданія окружающихъ ее, но не можетъ произнести ни одного слова, ни подать голоса. Ее смущаетъ предлежалій ей невѣдомый путь, новый образъ жизни и разлу-

ченіе съ тѣломъ, съ которымъ она была соединена, и которое служило ей.

Эти немногія черты, указанныя святымъ отцомъ, подъ искуснымъ перомъ одного нашего проповѣдника, превращаются въ такую поразительную картину. „Вотъ наступаетъ (говоритъ онъ) послѣдній часъ человѣка въ этомъ мірѣ. Болѣзнь, приблизившая его къ смерти, уже прекратилась; она подорвала основы тѣлескаго организма и сдѣлала его неспособнымъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ настоящемъ его видѣ, и тѣло уже не служитъ духу. Тогда жизнь души начинаетъ отторгаться отъ частей и органовъ тѣла, въ которыхъ доселѣ дѣйствовала. Судорожныя движенія и необычныя потрясенія всего организма показываютъ, какъ усиленно, какъ жестоко это отрѣшеніе души отъ тѣла, и чѣмъ крѣпче организмъ, чѣмъ сильнѣе была привязанность духа къ тѣлу, тѣмъ сильнѣе эти сотрясенія, потому что тѣмъ болѣе силы нужно духу, чтобы оторваться отъ тѣла. Но тутъ не одни физическія страданія. Трепещетъ душа, чувствуя свое невольное быстрое приближеніе къ вѣчности; въ трепетѣ она силится какъ-будто остановиться на этомъ страшномъ пути; она порывается какъ бы уклониться отъ тѣхъ ужасовъ, какіе ее ожидаютъ, или овладѣть собою и этими самыми ужасами, чтобы спокойнѣе и смѣлѣе пройти...

Но вотъ человѣкъ умираетъ. Еще въ то время, какъ въ низшихъ степеняхъ и силахъ душевной жизни происходитъ предсмертная борьба, во внутреннѣйшей жизни духа, въ высшей сферѣ его духовнаго бытія совершается другое. Тамъ слабѣе узы тѣла; поэтому духъ человѣка скорѣе и легче отрѣшается отъ условій временной жизни, и тогда, какъ внизу его долго еще длится борьба, онъ у себя вверху самъ собою освобождается, и еще прежде рѣшительной смерти тѣла, онъ уже витаетъ, какъ будто, внѣ тѣла. Человѣку начинаетъ уже открываться вѣчность; онъ уже подходитъ къ рубежу ея. Онъ еще видитъ, хотя тускло и нераздѣльно, земные предметы,

еще слышитъ, хотя неразборчиво, здѣшніе звуки, еще ощущаетъ въ себѣ, хотя и смѣшанно, земныя чувства; но уже сказывается ему и другая жизнь. Онъ замѣчаетъ предметы и явленія, невидимыя для другихъ, слышитъ необыкновенные звуки, прозрѣваетъ то, что намъ не можетъ быть извѣстно естественнымъ порядкомъ. Еще нѣсколько минутъ,—и чело-вѣкъ переступаетъ въ вѣчность. Вдругъ измѣняется форма его бытія; духъ его видитъ самого себя, свое собственное существо, какъ не видѣлъ его въ тѣлѣ; онъ видитъ предметы и самые отдаленные уже не тѣлесными глазами, а непосредственнымъ разумомъ... онъ говоритъ не членораздѣльными звуками, а мыслію... не руками осязаетъ предметы, а ощущеніями и чувствами, и предметы самые тонкіе и прежде для него неуловимые и неосязаемые онъ теперь обнимаетъ въ ощущеніяхъ, какъ бы въ рукахъ; движется одною силою воли, и то, къ чему прежде онъ могъ приближаться съ великимъ трудомъ, медленно, чрезъ большія пространства мѣста и времени, теперь онъ достигаетъ мгновенно, и никакія вещественныя препятствія его уже не задерживаютъ. Невыразимымъ ужасомъ поражаетъ его открывающаяся вѣчность; ея безпредѣльность поглощаетъ его ограниченное существо; всѣ его мысли и чувства теряются въ ея безконечности. Онъ видитъ предметы, для которыхъ у насъ нѣтъ ни образовъ, ни названій, слышитъ то, что на землѣ не можетъ быть изображено никакимъ голосомъ и звукомъ; его созерцанія и ощущенія не могутъ быть выражены у насъ ни на какомъ языкѣ и никакими словами. Онъ встрѣчаетъ тамъ и подобныя себѣ существа и узнаетъ въ нихъ людей, отошедшихъ изъ здѣшняго міра. Но это уже не здѣшнія лица и не земныя тѣла; это однѣ души, вполне раскрывшіяся со всѣми ихъ внутренними свойствами. Потомъ встрѣчаются ему существа, также сродныя ему по естеству, но такія, одно приближеніе которыхъ даетъ ему чувствовать неизмѣримо высшую надъ нимъ силу ихъ. Одни изъ нихъ выходятъ изъ глубины без-

предѣльнаго мрака... а тамъ далѣе, духъ видитъ безконечное море непостижимаго свѣта, изъ котораго выходятъ другія существа, еще болѣе могучія; ихъ природа и жизнь—неизобразимое совершенство, невыразимая любовь; неописанный свѣтъ наполняетъ все существо ихъ и сопровождаетъ каждое движеніе. Въ этомъ чудномъ мірѣ духъ челоуѣка ничѣмъ нестѣсняемый, силою своей духовной природы и неодолимою силою притяженія сроднаго ей міра, летитъ, летитъ все далѣе и далѣе, до того мѣста или лучше сказать, до той степени, до какой могутъ достигать его духовныя силы, и весь поразительнымъ образомъ перерождается“¹⁾.

Нѣкоторую аналогію начало новой жизни, по разлученіи души отъ тѣла, имѣетъ съ началомъ нашей жизни, по оставленіи утробы матери. Въ насъ не было сознанія, когда мы жили или начинали свое существованіе въ тѣсной хранилѣ матерней утробы. Но когда наступилъ часъ явленія нашего на свѣтъ, на широкое земное поприще, болѣзненные ощущенія, испытываемыя нѣжнымъ тѣломъ, вызывали невольный плачъ въ живомъ существѣ, очутившемся въ новыхъ для него условіяхъ жизни. Подобныя ощущенія испытываются и переживаются душою, когда приходитъ ей часъ разстаться съ тѣломъ и оставить здѣшній матеріальный міръ, съ которымъ она сдружилась и считала себя неразлучною, и когда предъ нею открываются врата новаго міра, врата вѣчности. Только эти ощущенія чувствуются уже не разлагающимся тѣломъ, а душою, обнаженною отъ матеріи. Міръ, открывающійся предъ нами послѣ рожденія, несравненно шире утробнаго вмѣстилища матерняго. А міръ, открывающійся для души, по оставленіи ею тѣла, не связанный тѣсными формами пространства, гораздо шире и удобоподвижнѣе міра матеріальнаго, нынѣ нами обитаемаго. Величіе и удобоподвижность этого міра, новыя условія жизни въ немъ, прежде невѣдомыя и не предощуцаемыя нами, не могутъ не поражать души, внезапно

¹⁾ Бесѣды, проченія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго. Слово въ день Успенія Божіей Матери (15 августа 1867 г.), стр. 179—184.

въ немъ очутившейся. Состояніе души, при отдѣленіи отъ тѣла (говорить со словъ св. Оеодоры св. Григорій, ученикъ Василія новаго), „подобно тому, какъ если бы обнаженному пришлось пасть въ огонь и горѣть“.

Душа (говорить св. Іоаннъ Златоустъ) не сама собою отходитъ въ ту жизнь, такъ какъ это и невозможно. Если мы, переходя изъ города въ городъ, имѣемъ нужду въ руководителѣ, то тѣмъ болѣе душа, исторгнутая изъ тѣла и переселяющаяся въ будущую жизнь, нуждается въ путеводителяхъ. Поэтому часто она, готовясь выдти изъ тѣла, то вышпается, то ниспадаетъ, и страшится и трепещетъ¹⁾. Душу умирающаго воспринимають ангелы, и они являются ея руководителями, въ новомъ для нея мірѣ.

Но вотъ душа отрѣшилась отъ тѣла и дѣлаетъ, такъ сказать, первые шаги въ новомъ мірѣ, сопровождаемая небесными путеводителями. Какъ говоритъ св. Макарій александрійскій, передавая бывшее ему ангельское откровеніе, душа, по отдѣленіи отъ тѣла, не оставляетъ сразу мѣста своего обитанія,—въ теченіе первыхъ двухъ дней она пребываетъ на землѣ и, сопровождаемая ангелами, посѣщаетъ мѣста для нея памятные, скитается около дома, въ которомъ разлучилась съ тѣломъ и пребываетъ около гроба, въ которомъ покинута ея тѣло. Въ третій день, когда тѣло предается землѣ, она возносится на небеса для поклоненія Богу. Поэтому въ третій день возносятся въ церкви особенно усердныя молитвы объ упокоеніи души усопшаго.

По изображеніямъ отцовъ, сорокъ дней продолжается водвореніе души въ новомъ мірѣ или ея восхожденіе въ уготованныя ей обители. Въ теченіе первыхъ сорока дней по смерти, душа еще не находитъ и не получаетъ опредѣленнаго мѣстопробыванія. Она носится въ воздушныхъ пространствахъ, между небомъ и землею.

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста о Лазарѣ. П. п. 2. Твор. св. Іоанна Злат. т. I, кн. 2, стр. 792.

Когда носится душа по воздушнымъ пространствамъ (такъ представляютъ святые отцы), ее окружаютъ духи злобы, слуги князя власти воздушныя (Еф. II, 2), воспящаютъ путь ея и стараются овладѣть ею. Но въ то же время ее охраняютъ добрые ангелы, и въ особенности ангелъ хранитель, который былъ приставленъ къ человѣку, со дня его крещенія, во время его земной жизни.

Это прохожденіе души по воздушнымъ пространствамъ извѣстно въ нашемъ церковномъ ученіи подъ именемъ хожденія по мытарствамъ. Мытарства—это своего рода заставы на пути отъ земли къ небу, которыя каждая душа, по разлученіи отъ тѣла, должна пройти, чтобы достигнуть горняго міра или царства небснаго. Заставы эти охраняются властями тьмы, старающимися воспрепятствовать душѣ при восхожденіи ея на небо. Во время прохожденія души чрезъ мытарства она находится въ волненіи и страхѣ, не зная, чѣмъ кончится ея испытаніе. Если душа старалась вести благочестную и богоугодную жизнь, и покаяніемъ загладжала грѣхи, ею содѣваемые, ее воспринимаютъ и ею руководятъ ангелы, и сопровождаемая небесными силами, она легко течетъ и возносится въ царствіе Божіе. А если окажется, что она проводила жизнь въ грѣхѣ, нерадѣніи и невоздержаніи, и не считала нужнымъ прибѣгать къ очистительному средству покаянія, тогда ее, омраченную и отягченную грѣхомъ, оставляютъ ангелы Божіи, а берутъ страшные демоны, и ввергаютъ въ страну печали и мрака, въ мѣста преисподнія, въ жилища подземныя и темницы адскія.

Въ продолженіе сорока дней по смерти душа проходитъ по воздушнымъ мытарствамъ. Потому въ эти дни особенно необходимы молитвы за усопшихъ, которыя могутъ облегчать ихъ трудный путь къ небу, привлекая къ нимъ благоволеніе Божіе. Сорокъ дней душа усопшаго привѣщаетъ близъ насъ, не отрѣшаясь совершенно отъ земнаго жилища. И Господь Іисусъ Христосъ, по воскресеніи своемъ, сорокъ дней пре-

бывалъ на землѣ, являясь неоднократно апостоламъ и другимъ вѣрующимъ, а въ сороковой день вознесся отъ земли на небо. Этимъ Онъ какъ бы предуказалъ путь, какой принадлежитъ каждой душѣ, когда она должна перейти изъ этого міра въ другой, горній міръ. Въ сороковой день душа возносится на поклоненіе Богу, и потомъ наследуетъ мѣсто своего покойника, соотвѣтственно дѣламъ своей земной жизни, въ которомъ пребываетъ до послѣдняго всеобщаго суда Христова, отчего въ этотъ день въ церкви совершаются моленія о блаженномъ успеніи усопшаго.

Доселѣ мы говорили о ближайшей судьбѣ, ожидающей насъ по смерти. Но то, что мы изображали, еще не конецъ. Впереди у всѣхъ насъ, въ отдаленномъ, непримомъ нами, времени, страшный послѣдній судъ, послѣ котораго воздастся каждому по дѣламъ его. Чувство мое nudитъ меня сказать нѣчто объ этомъ предметѣ величайшей важности. Но я не могу не сознавать, что бесѣда моя переступаетъ должныя границы, и я, уже утомивъ васъ своимъ протяженнымъ словомъ, опасаясь злоупотреблять вашимъ вниманіемъ. Позволяю себѣ, впрочемъ, просить васъ выслушать терпѣливо нѣсколько краткихъ словъ о предметѣ, котораго не исчерпать цѣлодневною бесѣдою.

Страшный судъ! Занятые суетою житейскою, мы мало и рѣдко воспоминаемъ о послѣднемъ судебномъ днѣ, насъ ожидающемъ! Какъ будто его вовсе не будетъ. Но нѣтъ, Господь сказалъ, и не ложно слово Его. Настанетъ часъ кончины міра, и всѣмъ намъ нужно будетъ явиться предъ судищемъ Христовымъ. *Послетъ Господь ангелы своя съ трубами гласомъ велиимъ, и соберутъ избранныя ея отъ четырёхъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мѡ. XXIV^а 31). Какъ предстанемъ мы предъ праведнымъ Судіею? И что увидимъ тогда? Нѣкіе христіане просили одного учителя, отличавшагося разумѣніемъ сверхъестественныхъ вещей,

повѣдать имъ о томъ, что будетъ съ нами грѣшными, по окончаніи вѣка. „Увы мнѣ, братія мои возлюбленные (отвѣчалъ учитель)! Желаю сказать, что будетъ, но удерживаетъ меня страхъ, оскудѣваетъ у меня голосъ, слезы предваряютъ слово, мутится мысль; потому что повѣствованіе страшно“. „Скажи, ради Господа, для нашей пользы“ (говорили христолюбцы)! Учитель, заплакавъ, и ударяя рукою въ перси, отвѣчалъ имъ такъ: „Братія мои христолюбивые! Какую скорбную повѣсть желаете вы слышать? О, страшный и трепетный часъ! Увы, увy, возлюбленные мои! Кто осмѣлится пересказать, или у кого достанетъ силы выслушать сіе страшное повѣствованіе? У кого есть слезы, плачьте, плачьте, а кто не имѣетъ слезъ,—пріидите, выслушайте, что ожидаетъ васъ, чтобы вамъ не быть перадивыми о своемъ спасеніи... Тогда разлучены будутъ родители и чада, друзья съ друзьями, сродники съ сродниками. Тогда грѣшники, изгоняемые, понуждаемые и бичуемые свирѣпыми демонами, побѣгутъ, скрежеща зубами и все чаще и чаще обращаясь назадъ, чтобы видѣть праведныхъ, съ которыми разлучены. И увидятъ ту радость и тотъ свѣтъ, съ которыми разлучены, и горько станутъ плакать и, наконецъ, сокроются, потерявъ возможность видѣть что-либо позади себя. И приблизятся къ самому страшному мѣсту, гдѣ будутъ распредѣлены на всѣ роды муки. Тогда, видя, что нѣтъ за нихъ ходатаевъ, и не будетъ помилванія, съ горькимъ рыданіемъ скажутъ: О, сколько времени погубили мы въ нерадѣніи! О, какъ насмѣялся надъ нами суетный міръ! Видя себя совершенно оставленными Богомъ и святыми, съ воздыханіями и горькими слезами взывая, скажутъ: „простите, святые и праведные; простите, друзья и сродники, отцы и матери, простите, сыновья и дочери; простите, апостолы; простите, пророки и мученики Господни; прости и ты, Владычица Богородица, много потрудившаяся въ молитвахъ о нашемъ спасеніи; но мы сами не хотѣли покаяться и спастись; прости и ты,

честный и животворящий крестъ; прости, рай сладости, насажденный Господомъ; прости, царство небесное, которому не будетъ конца; простите всѣ: мы не увидимъ уже никого изъ васъ, и идемъ на осужденіе, которому не будетъ конца и послабленія. И поидетъ каждый въ уготованное мѣсто, на вѣчныя и лютыя муки“ ¹⁾).

Но да не смущается сердце ваше. Страшенъ судъ, но милостивъ Богъ и человеколюбивъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, которому далъ Отецъ судъ надъ нами. Господь не хочетъ смерти и гибели ни единого грѣшника (Иезек. XXXIII, 11. XVIII, 32), *а всѣмъ хочетъ спастися* (Тим. XI, 4). Спасеніе наше такъ дорого для Отца небеснаго, что для искупленія и избавленія насъ падшихъ Онъ не пощадилъ возлюбленнаго Сына своего (Іоан. III, 16, Рим. VIII, 32), и Сынъ Божій, явившись во плоти, претерпѣлъ крестныя страданія, чтобы насъ всѣхъ спасти и возвести на небо (2 Петр. III, 9), и всѣмъ доставить блаженство и животъ вѣчный (Іоан. III, 16—17). Св. Іоаннъ Златоустъ, изображая благую волю Божію о насъ, говоритъ, что „Богъ для того создалъ насъ и привелъ въ бытіе, чтобы сдѣлать насъ участниками вѣчныхъ благъ, даровать намъ царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть въ геенну и предать огню; геенна—это не для насъ, а для діавола; для насъ же издревле устроено и уготовано царство. И мы сами уже уготовимъ себя огню, когда будемъ жить не по заповѣдямъ ²⁾), и когда, согрѣшая, не будемъ просить помилованія и очищать себя покаяніемъ. Съ вѣрою и упованіемъ предадимъ себя Богу, и послѣдуемъ гласу Его, зовущему насъ ко спасенію, раздающемуся неумолчно въ Его святой церкви, и тогда на страшномъ судѣ мы услы-

¹⁾ Св. Ефрема Сирина слово 38 о всеобщемъ воскресеніи и второмъ пришествіи Господа Іисуса Христа. Твор. св. Ефрема. Т. III, стр. 19—22

²⁾ Св. Іоанна Златоуста къ Θεодору падшему увѣщаніе. Творенія св. Іоанна Златоуста, изд. Сиб. Акад. Т. I, стр. 11

шимъ вождельбный зовъ: *приидите благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѣ. XXV, 14). По слову одного тайнозрителя, любящимъ Бога уготованы такіа блага, *ихже око не видѣ, ихже ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9), и человѣческій языкъ безсиленъ изобразить всю силу и усладу благъ этихъ (2 Кор. XII, 4) А другой тайнозритель завѣряетъ, что, когда явится Судія и Раздатель всѣхъ благъ, живущій во свѣтѣ непреступнымъ, мы подобни Ему будемъ (1 Іоан. III, 2). И избавленіи Господомъ *приидутъ въ Сіонъ* (т. е. въ царство Божіе), *съ радостію, и радость вѣчная надъ главою ихъ: надъ главою ихъ хвала и веселіе, и радость приметъ я, и отбѣже бользнь и печаль, и воздыханіе* (Ис. XXXV, 10).

В. Пявницкій.